

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ЗАМАНУХА ДЛЯ ФРАЕРА

ЭКСНО

Медвежатник

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Замануха для фраера

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Замануха для фраера / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2009 — (Медвежатник)

Говорят, в казанском озере Кабан аж с XVI века лежат нетронутыми главные ценности казанского хана Едигера. Другие рассказывают, что в Гражданскую войну залетные бандиты схоронили на его дне огромную часть золотого запаса России из разграбленного отделения Госбанка в Казани... Как-то местный рыбак Степан искал в озере утопленника, да, видно, зацепил багром что поценнее. Выволок на берег какой-то ящик. А тут откуда ни возмись прибежал заведующий местной бакалейной лавкой Филипчук. Разговорились. И уж было собрался Степан открыть находку, как вдруг в руках заведующего сверкнула финка... Последнее, что увидел рыбак, – холодные глаза Филипчука, и если б знал Степан бакалейщика в юности, без труда угадал бы в нем Якима – известного в прошлом налетчика и вора...

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ГЛАВА 1

ИЮЛЬ 1949 ГОДА

– Слушай, какой ты все-таки молодец, э? Такой мяч им заколотил! Левой, с наката, это твоя игра, мамой клянусь! – шевеля в подтверждение то бровями, то усами, захлебывался от восторга мужчина кавказского вида. Он был определенно навеселе, и его черные глаза блестели, как натертый фланелью бок трофейного «Опеля».

– Ми все гордимся тобой, – вторил ему мужчина постарше, чей нос нависал над губой, как скала над обрывом. – Гиви прав: это ты сделал игру, дарагой! Без тебя нашему «Динамо» не видать выхода в полуфинал, как... – он сморщил лоб, ища подходящее сравнение, но, так и не найдя, воскликнул: – Так выпьем же за тебя!

В высоких бокалах из тонкого стекла искрилось золотистое шампанское, и пузырьки на его поверхности лопались, разбрасывая вокруг себя крохотные фейерверки. Мужчины чокнулись.

Разговор происходил за столиком летнего ресторана «Фиалка», сохранившегося с тех незапамятных пор, когда на месте стадиона «Динамо» располагался публичный городской сад домовладельца Панаева. Молодого худощавого человека, которого расхваливали Гиви и его носатый товарищ, звали Вахой, а если быть точнее, Вахтангом Георгиевичем Геворгадзе, и был он центральным нападающим тбилисской команды «Динамо», приехавшей в Казань на все-союзные соревнования по футболу на кубок Центрального Совета спортобщества «Динамо». Это он забил сегодня решающий гол в матче с командой Еревана, был героем дня и вообще любимцем местного грузинского землячества.

– Спасибо, спасибо, – сдержанно отвечал на похвалы Ваха и косился на столик у окна. То есть, разумеется, не на сам столик, а на двух девиц в легких платьицах с накрахмаленными воротничками и в белых носочках, которые пили боржомом и тоже изредка поглядывали на него, весело перешептываясь. Особенно хороша была та, у которой на пухленьких щечках около носа были рассыпаны веснушки. Но веснушки веснушками, а главное – впечатляющая грудь, которая так и просилась под мужскую ладонь. Впрочем, вторая тоже была ничего – прекрасное сложение, загорелые ноги немного расставлены, из чего опытный мужской взгляд мог сделать однозначный вывод, что перед ним не робкая девушка, а женщина с опытом.

Ваха глотал слюнки. Куда лучше бы ему сидеть сейчас за тем столом, у окна, в обществе прелестных и доступных девиц, чем выслушивать от земляков их занудные дифирамбы.

– Нет, это тебе спасибо, дарагой, за твою игру, – не унимался носатый. – Сделал этих армяшек, как малых детей, а!..

Вахтанг в очередной раз рассеянно кивнул.

– Почему ты меня не слушаешь, э? – спросил вдруг носатый, заметив, что Ваха смотрит в другую сторону.

– Да слушаю, слушаю, – отмахнулся Ваха. Грудь и веснушки – это, конечно, хорошо, но, с другой стороны, ноги...

– Нет, не слушаешь, – нахмурил брови носатый. – С тобой, дарагой, земляки каварят, они ждали тэбя, как радного, а ты не слушаешь. Почему?

– Ну, теперь я слушаю, – повернулся к нему Ваха и посмотрел в упор. – Говори, дорогой. Носатый слегка насупился:

– Ты что, злишься? Почему злишься? Он ведь злится, Гиви, слушай, э?

Тот неопределенно мотнул головой.

– Панимаю, мы тэбе надоели, э? Ты нас не уважаешь? – продолжал обижаться носатый. – Ты думаешь, если у тэбя папа секретарь республиканского комитета, то ты можешь сэбя так с нами вести, э? Нехарашо, – закачал он головой.

– Как вести? – устало спросил Ваха.

– Иг-но-ри-ровать, – по слогам произнес носатый не частое в его обиходе словечко и вонзил свой взгляд прямо в зрачки Вахе.

– Не надо ругаться, – примирительно произнес Гиви. – Давайте лучше выпьем.

– Я больше не хочу, – ответил Ваха, отодвинув от себя бокал, и снова бросил откровенный взгляд на девушек у окна.

– Ты слышал? – подскочил на своем стуле носатый. – Он не хочет с нами пить!

– Мне нельзя, у меня режим, – стараясь вздохнуть посокрушенной, сказал Ваха.

– Ты слышал, у него рэжим! – уже вовсю кипел носатый. – Он нас нэ уважает! Пошли отсюда, Гиви!

Носатый поднялся и, небрежно бросив две крупных купюры на стол (хотя, чтобы рассчитаться, вполне хватило бы и одной), стремительно пошел к выходу. За ним, пожав плечами и виновато оглядываясь, засеменял Гиви. Центрфорвард не стал их удерживать. Когда они вышли из ресторана, поднялся и вразвалочку подошел к столику у окна:

– Вы позволите?

Веснушчатая хихикнула. Ее подруга посмотрела на Ваху карими, с поволокой, глазами и произнесла томным грудным голосом, как у одной из киноактрис, фамилию которой Ваха не помнил:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Оказавшись между двумя девушками, Ваха почувствовал себя словно могучий дуб меж двух березок. Инициативу, ясно, надлежало брать в свои руки, но прежде следовало впечатлить интеллектом.

– А вы, кстати, знаете, что это за ресторан?

Женщина с бархатным голосом произнесла:

– Разумеется. Это ресторан «Фиалка».

Ваха улыбнулся:

– Верно. Он тут с тех самых пор, когда на месте стадиона «Динамо» был публичный городской сад домовладельца Панаева, – вспомнил он слова экскурсовода, который после первой игры показывал им достопримечательности Казани. Ваха вдруг поймал себя на том, что стал даже говорить с его интонациями. – Тогда ресторан именовался ресторацией, и дамы после театрального представления могли откусать здесь горячего шоколада с пирожными и бланманже в хрустальных розетках, исполненных в виде уток и зайцев, усыпанных медовыми орешками, и запить их Шато-ла Шапелем урожая 1867 года. Мужчины же не упускали случая хлопнуть рюмку-другую очищенной и заесть ее осетриной с хреном или паштетом из гусиной, а лучше заячьей печенки.

Веснушчатая лишь потупила глаза, а ее подруга, не скрывая восторга, воскликнула:

– Как интересно! Откуда вы все это знаете?

– Читаю много, – серьезно заявил Ваха, хотя последнюю книгу он брал в руки месяца три назад. Текста в ней было с гулькин нос, зато очень много фривольных картинок. – Давайте и мы с вами выпьем за знакомство, а?

– Ну-у, – неопределенно протянула веснушчатая.

– Что будем пить? – продолжал атаковать центрфорвард.

Выдающаяся грудь приподнялась, на какое-то время застыла, давая рассмотреть себя во всей полноте, а потом завораживающе опустилась.

– Мы хотим фруктов. – Веснушчатая медленно подняла карие глаза.

– Хотим, – строго поправила ее подруга.

– Понял, – одобрительно сказал Ваха.

– И шоколад, – добавила веснушчатая.

– Будет и шоколад. А что будем пить? Шампанское? – держал темп центральный нападающий.

– Это на ваше усмотрение, – чуть помедлив, произнесла загорелая.

Похоже, защита едва шевелилась. Дальнейшее было делом техники, а техника его редко когда подводила.

– Официант! – крикнул он. Тут же возникла девушка с белоснежной наколкой в каштановых волосах. Тоже ничего, во всяком случае грудь в глубоком вырезе форменного платья, но не следовало отвлекаться.

– Для начала бутылочку коньяку, того что получше, затем фруктов и шоколаду, – небрежно бросил он. – Между прочим, меня зовут Вахтанг, – сообщил он, когда официантка исчезла.

– Мы знаем, – откликнулась веснушчатая.

– Вот как? – то ли всерьез, то ли наигранно удивился футболист. Что-то знакомое вдруг померещилось ему в лицах девушек. Не с ними ли он провел ночь в свой прошлый приезд в Казань? – Откуда у вас эта информация?

– Мы были на футбольном матче, – сказала загорелая.

– И мы видели, как вы забили тот гол, – горячо поддержала веснушчатая. – Это было очень красиво, правда, Даш?

– Правда, – чуть потупилась загорелая.

– Ну вот, – улыбнулся Вахтанг. – Вы про меня все знаете, а я про вас – ничего. Так как вас все-таки зовут, красавицы?

– Меня, как вы уже поняли из слов моей не очень сдержанной подруги, зовут Даша. – церемонно растягивая слова, проговорила загорелая. – А ее – Маша. Мы учимся в техникуме легкой промышленности, и у нас сейчас каникулы.

– Очень приятно, – произнес Ваха.

– И нам, – заулыбалась веснушчатая.

«Маша и Даша, – подумал Ваха, – Даша и Маша...»

Он попытался вспомнить, как звали тех, прошлых. Но вместо имен вспоминались то люстра в номере, где не хватало одной лампочки, то кровать, безумно скрипевшая под тяжестью двух тел, а уж когда на ней оказалось третье, то и вовсе начавшая издавать запредельные стоны. Хотя, может быть, стонала и не кровать, а они, все трое, слившиеся друг с другом. Ах, как было сладко!..

Подошла официантка с подносом, на котором картинно были разложены фрукты в вазе, плитки шоколада на блюде, в фарфоровой розетке лимон, нарезанный на дольки, и распечатанная бутылка коньяка. Вырез на платье, казалось, сделался еще шире. Похоже, она задалась целью поломать Вахе его игру. Нет уж! Две девушки лучше, чем одна официантка, тем более, ограниченная рабочим днем.

– Прошу вас.

– Благодарю, – галантно произнес Ваха, не преминув все-таки заглянуть в гостеприимный вырез. Там, действительно, было на что посмотреть. Да и подержать было что. Ну да ладно... – Что, за знакомство? – предложил форвард и разлил коньяк по небольшим пузатеньким рюмкам.

Жизнь представлялась прекрасной и обещала море радости и океан наслаждений.

С легким звоном сомкнулись рюмки. В животе у Вахи полыхнул огонь, он потянулся за лимоном. Жизнь и правда была восхитительна.

Маша выпила рюмку мелкими глоточками и, забавно сморщившись, сунула в рот виноградинку.

Даша выпила лишь половину рюмки.

– Что же вы не пьете? – спросил Ваха и сделал обиженные глаза. – Коньяк не нравится? Так я сейчас велю принести другой.

– Не надо, Вахтанг, коньяк очень хороший, – Даша положила ладонь на его руку. Длинные, тонкие пальчики оказались прохладными и очень нежными.

– Тогда в чем же дело? – От прикосновения девушки у центрфорварда зашекетало где-то под самым пупком.

– Просто я не пью.

Маша негромко и насмешливо фыркнула, что могло означать «не верьте ей, она вас обманывает», «хватит тебе ломаться» или «дура, когда тебя еще угостят коньяком». Но Ваха ничего такого не заметил. Все его помыслы сосредоточились на Даше, известно же: южного мужчину завести ничего не стоит.

– За знакомство надо пить до дна, – веско и настойчиво произнес Вахтанг, пододвигая Даше недопитую рюмку. – А то никакой дружбы не получится.

Даша притворно вздохнула и допила рюмку. В отличие от Маши, она не сморщилась и тоже закусила лимонной долькой.

– Что за дэ-эвушка! – восторженно протянул Ваха. – Ма-ла-дец!

– А вы хотите, чтоб мы с вами были друзьями? – вдруг спросила веснушчатая.

– Хочу, – серьезно ответил Ваха и посмотрел ей в глаза, которые тут же заволокло туманом и затаенным обещанием, и Ваха снова захотел ее больше, чем Дашу. Черт подери! Это обещание, плюс замечательная грудь... Кого же он больше хочет? Хоть разорвись между двумя!

– А я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной, – заявила Даша, оторвав еще одну виноградину и послав ее в рот. – Ну, в смысле, только в дружбу. Так... Так не бывает.

– А я верю! – с вызовом произнесла ее подруга. – Так очень часто бывает. Вот Тема, он мой хороший друг... И все!

– И все? – недоверчиво прищурилась Даша.

– И все, – подтвердила Маша. – По крайней мере, он никогда не пытался меня... – Она замолчала и бросила быстрый взгляд на Вахтанга.

– Что не пытался? – улыбнувшись, спросила Даша. – Затащить тебя в постель, так что ли?

При этих словах все в Вахтанге снова перевернулось. Теперь форвард глаз не сводил с Даши и снова хотел только ее.

– Ну, что ты такое говоришь, Даш, – укоризненно посмотрела на подругу Маша. – Конечно, не пытался.

– И даже не думал об этом?

– Конечно!

– Ну тогда... Тогда он просто дурак!

– Точно! – радостно поддержал Дашу Вахтанг. – Если мужчина видит в женщине только друга и не видит женщину, он не настоящий мужчина. Или больной мужчина.

– Или извращенец какой, – развила его мысль Даша и неожиданно смутилась. Очевидно, у нее в этом деле имелся некоторый опыт. И Ваха захотел ее еще сильнее.

– Тема не извращенец, – произнесла Маша и слегка покраснела, отчего веснушки на щечках проступили еще яснее.

Разговор уходил в сторону – следовало брать его в свои руки.

– Еще по одной? – предложил нападающий.

– А, давайте! – вдруг тряхнула головой Даша. – Пить, так пить!

– Правильно! – воскликнул Ваха и уверенно разлил коньяк по рюмкам. – Пить, так пить, любить, так королеву!

Эту поговорку он слышал в столице, когда они приезжали на товарищеский матч с «Торпедо». И она ему пришлась по душе. Правда, вместо «любить» звучало более крепкое слово.

Они выпили и принялись за фрукты. Маша начала рассказывать, как им учиться в техникуме, и что по его окончании они уедут по распределению в город Иванов, где сейчас строится новый бумагопрядильный комбинат.

– Годика два поработаем, потом станем мастерами или даже начальницами цехов, – тараторила она. – А потом...

– А потом мы станем никому не нужными старыми девами, – невесело перебила подругу Даша.

Ваха хотел было сказать, что кому-кому, а ей пребывание в этом качестве не грозит, но тактично промолчал.

– Почему это? – надула губки Маша.

– Потому что в Иванове нет мужчин, – отрезала Даша и метнула быстрый взгляд в сторону красавца-форварда. – Вернее, есть, но их очень мало. На всех девушек не хватит.

– Не беспокойтесь, на таких красавиц, как вы, мужчины всегда есть! – торжественно, как если бы давал клятву, произнес Ваха.

– Это вы серьезно? – глянула на него Даша.

– Абсолютно серьезно, – ответил центрфорвард, жалея, что не может доказать это прямо сию секунду.

Выпили по третьей. Стало совсем легко.

– А что мы все это на «вы» да на «вы»? – сказала Маша, дожевывая персик. – Давайте на «ты»!

– Я согласен, – быстро ответил Ваха.

– Я тоже, – кивнула Даша.

Вахтанг снова уверенно держал мяч.

– Тогда надо выпить на брудершафт, – немедленно выпалил он.

– Как это? – с недоумением спросила Маша.

– А так... Выпить и поцеловаться, – ответила ей Даша.

– Не-е, целоваться я не буду, – твердо сказала Маша и посмотрела на Ваху глазами, в которых читалось нечто совсем противоположное. По ее глазам читалось обратное.

– Традиция, – отрезал форвард. – Так полагается.

Маша подумала и кивнула головой:

– Ну если полагается...

Коньяк, что ни говори, делал свое дело. Глаза девушки блестели, а язык чуть-чуть заплетался.

Однако воплощать традицию Вахтанг начал не с нее, а с Даши. Поцелуй вышел долгий, страстный и профессиональный.

– Вот это да-а, – восхищенно протянула Маша, когда Ваха и Даша оторвались друг от друга. – Я так не умею.

Даша хотела что-то ответить, но Вахтанг ее перебил:

– Это не страшно. Учиться никогда не поздно! – беспечно заявил он и снова поднял рюмку.

В отличие от подруги, целуясь, Маша не разомкнула губ, так что поцелуй окончился, собственно, так и не начавшись.

Но стоило ли унывать от такой ерунды?

– Ну вот, мы теперь настоящие друзья, – бодро произнес форвард. Он уже было настроился произнести заранее приготовленную фразу: неплохо, дескать, продолжить знакомство в его номере, где припасено для такого случая шампанское и конфеты и где им никто не мешает, но тут Даша вдруг заявила:

– Хочу покататься на лодке!

Вот те раз! Кого другого подобные заявочки, может, и поставили бы в тупик, но только не Вахтанга. Уж он-то точно знал, что девушки теперь от него никуда не уйдут. Подумаешь, оттяжка на пару часов. А если вина с собой прихватить, так, может, все еще лучше сладится.

Вахтанг попросил вина, стаканы и шоколад, расплатился и, приняв из рук большегрудой официантки бумажный пакет, вышел с девушками из ресторана.

– Желание дамы – закон для настоящего мужчины, – гордо заявил он. – Где тут ближайшая лодочная станция?

– На озере Кабан, – ответила Маша. – Вообще-то далековато...

– Расстояние нэ помеха для истинного джигита, – с пафосом произнес Ваха и подошел к «Эмке», стоящей у самого входа на стадион. – До озера Кабан подбросите?

– До которого? – лениво спросил шофер.

– До которого? – переадресовал Ваха вопрос дамам.

– До Дальнего, – ответила Даша.

– Это будет стоить дороже, – немного подумав, сказал шофер.

– Э, дарагой, сколько скажешь, столько и будет. – После коньяка акцент у Вахтанга стал особенно заметен, но это его совсем не беспокоило. Вахе было известно, грузином в Казани быть почетно, грузины – люди состоятельные. – Нэ обижу.

– Садитесь, – бодро отозвался водитель.

Галантно открыв дверь, Ваха пропустил девушек на заднее сиденье, а сам сел рядом с шофером.

– Через Суконку поедem, – объявил водитель.

Господи, какое ему дело до всего этого! Поэтому Вахтанг без интереса выслушал рассказ шофера про укonnую слободу, названную по имени суконной фабрики, построенной по указу Петра Великого, про одинаковые розовые дома, построенные пленными немцами.

Автомобиль проехал заросший кленом зоопарк и Архангельское кладбище, у входа в которое кучковались старухи с венками и букетами уже пожухлых цветов, после чего выехали на Оренбургский тракт. Наконец сбоку блеснула водная гладь.

– Большое у вас озеро, – констатировал Ваха, время от времени взглядывавшийся в раскрытое окошко.

– Большое, – подтвердила словоохотливая Маша. – По сути, их три: Ближний, Средний и Дальний Кабаны. Средний Кабан будет поменьше, а Ближний и Дальний – просто огромные.

– А почему такое название у этих озер – Кабан? – спросил Ваха. Не то чтобы это его действительно интересовало, но вдруг некоторые познания пригодятся, когда придется в следующий раз играть в Казани. Уж больно хороши здесь девки! – Что, раньше здесь кабаны водились?

– Один точно водился, – отозвалась Маша. – Бек Кабан его звали. По татарской легенде, много веков назад, когда никаких татар еще не было и в помине, а были одни булгары, что наполовину славяне, наполовину тюрки, пришел с войском к столице Булгарского царства жестокий и кровожадный завоеватель Аксак Тимур, имя которого переводится, как Железный Хромец.

Ваха понимающе качнул головой:

– Я о нем слышал.

– Город Булгар он захватил, жителей всех, включая женщин и детей, перебил, так что уйти удалось немногим. В их числе был и сын последнего булгарского царя бек Кабан. Бек – значит князь, – пояснила она. – Бек Кабан переправился через Каму – не помню, как она раньше называлась, – прошел непроходимыми лесами и болотами и вышел на берег прекрасного озера, по берегам которого росли вековые дубы и вязы. Тогда бек омыл свои раны чистой озерной водой, и раны зажили мгновенно. Вода в озере оказалась целебной.

– Вот оно как, – восхищенно протянул Ваха, вспомнив о правом колене, которое не совсем зажило с прошлой игры. Вот бы его окунуть в эту воду!

– Потом он напился этой воды и почувствовал в себе необыкновенную силу. И решил бек Кабан поселиться здесь, основать свое собственное княжество. Люди, пришедшие с ним, стали строить дома, разводить сады, сеять хлеб, ловить рыбу и собирать мед диких пчел. Скоро на берегах озера выросло небольшое княжество, которое стало называться Кабанское, где любили отдыхать от своих государственных дел казанские ханы. Озеро тоже стало называться именем бека – Кабан, – закончила свой рассказ Маша.

– Красивая сказочка, – отозвалась со своего места Даша.

– Это совсем не сказочка, – обиженным тоном произнесла Маша и надула губки.

– А что, быть? – скептически спросила Даша.

– В каждой старинной легенде есть... это... рациональное зерно, – парировала Маша.

Когда автомобиль подкатил к озеру, солнце уже наполовину опустилось за горизонт. Но лодочные станции еще работали. Их на озере было две: «Спартак» и от «Динамо». Ваха, как истинный патриот своего клуба, естественно, выбрал «Динамо».

Лодочка им досталась старенькая, но по виду крепкая. Впрочем, других не было. Ваха усадил девиц на корму, а сам взялся на весла. Парень он был, понятно, не хилый, и через несколько минут они были уже на середине озера, недалеко от Горбатого моста.

– Ну, как, – спросил он. – Нравится вам наша прогулка?

– Ага, – ответила Маша.

А Даша молчала, опустив ладонь в воду.

– Даша, вы что молчите? – спросил Ваха.

– Ты, – поправила Даша.

– Что «ты»? – спросил Ваха.

– Мы же перешли на «ты», забыл?

– А-а, да, нет, не забыл, – улыбнулся Ваха. – Тебе нравится кататься?

– Очень нравится, – ответила Даша.

– Выпьем?

– А как же! – усмехнулась Даша. – Наливай, Ваха, один раз живем!

А Маша только мелко хихикнула, потому что еще никогда не видала свою подругу такой веселой и сговорчивой.

Вахтанг достал из кармана перочинный нож, вытянул из его бока штопор и принялся открывать бутылку. Пробка поддавалась плохо. Вернее, совсем не поддавалась. Тогда он поставил бутылку на дно лодки и, прижав ее ногами, принялся тянуть пробку на себя. Но та сидела в горлышке, будто приклеенная.

– Помочь? – спросила Маша.

– Джигитам помощь не нужна! – гордо заявил Ваха, однако пробка и тут не пожелала вылезти.

Вахтанг зажимал бутылку между коленями, пытался вдавить пробку в бутылку – бесполезно. Наконец, он сдался.

– Ладно, помогите, – сказал он. – Не хочет вылезать, зараза. Что ты будешь с ней делать! Он передал бутылку Маше.

– Держи крепко, – приказал он. – А я буду тянуть.

Маша кивнула и схватилась за бутылку обеими руками. Ваха потянул штопор и едва не стащил Машу с лавки.

– Ну, помоги, что смотришь, – буркнула Маша подруге.

Даша кивнула и тоже схватилась обеими руками за бутылку. Ваха потянул. Пробка не поддавалась.

Черт! Это надо же, грузин не может открыть паршивую бутылку вина! Так опростоволось перед этими девицами!

Вахтанг сверкнул глазами:

– Сейчас я сильно дерну. На счет раз-два-три. Держите крепко!

Ваха стиснул зубы, напряг ноги и стал считать:

– Ра-аз...

Даша сделала серьезное лицо.

– Два-а...

Маша хихикнула, а Даша нахмурила брови.

– Три!

Ваха что есть силы дернул зажатый в кулаке нож. Пробка неожиданно легко подалась, и он, теряя равновесие, стал перебирать ногами. Лодка накренилась, и центральный нападающий тбилисской команды «Динамо», чемпион и покоритель женских сердец, споткнувшись о лавку посередине лодки, выпал за борт. Лодка выпрямилась и стала мелко покачиваться на волне, которую произвел, бултыхнувшись в воду, Ваха.

Девушки в ожидании смотрели на расходящиеся круги.

Прошло около минуты. Центрфорвард не выныривал. Он топором пошел ко дну, потому что не умел плавать. Но Маша и Даша об этом не знали. Все произошло так быстро, что девушки даже не успели понять, что случилось. Маша перестала хихикать, на лице Даши обозначился ужас, и обе они перегнулись за борт, в надежде, что на поверхности вот-вот появится голова Вахи.

А потом закричали...

ГЛАВА 2

ИЮЛЬ 2008 ГОДА

– Класс! – Воскликнул Игорь, как только разрезал скотч, скрепляющий две половинки картонной крышки с надписью **Excalibur**, и вытащил из продолговатой коробки волшебный прибор. Еще бы не волшебный, если он способен видеть серебряный российский гривенник, лежащий на глубине в двести футов. А уж вещь покрупнее – тем более разглядит. И не забудет сообщить об этом. А если учитывать, что на каждый квадратный метр поверхности земли приходится по одной монетке, то через пару лет поисков можно записываться в клуб миллионеров.

У Игоря был когда-то старенький металлоискатель Spectrum. Хорошая была машинка для своего времени... Но этот Excalibur... Не детектор – мечта! Верх совершенства! Самый лучший искатель драгоценных металлов под водой в мире! Правда, и цена была, наверное, самой-самой в мире – полторы тысячи фунтов. Однако машинка того стоила. Во-первых, семнадцатичастотная компьютеризированная технология BBS, что позволяет низким частотам обнаруживать на дне крупные цели, а высоким – мелкие, чего нет на других детекторах и в помине; во-вторых, на пути «черного» металла и прочего мусора стоят мощные фильтры; в-третьих, целых пять программ поиска – «монеты», «украшения», «реликвии», «серебро», «золото»; в-четвертых, имеется даже дисплей с подсветкой, на который выводится сам найденный объект, его характер и глубина залегания. Плюс еще много чего интересного, с чем следует разобраться и научиться применять. Да и весит всего-то чуть больше полутора килограмм!

Ему захотелось позвонить Ленке и похвастать: вот, мол, какая штукавина у нас теперь имеется, для осуществления нашей мечты! Но еще больше хотелось попробовать прибор в действии сейчас же, немедленно.

Игорь набрал в ванну воды и бросил туда свое обручальное колечко.

Вернее, сначала он перевернул едва ли не всю квартиру, разыскивая это кольцо, и отыскал его в пакете со всякими не очень нужными документами. Там же лежало свидетельство о расторжении брака с бывшей супругой Ларисой. Два с половиной года назад он снял с пальца кольцо и сунул в этот пакет за ненадобностью, крепко позабыв о нем. Ведь закончившиеся неприятности надо сразу же вычеркивать из памяти, не правда ли?

Итак, набрав в ванну воды и бросив в нее золотое кольцо, Игорь поставил триггер в центральную позицию, нажал на красную кнопку с буквами ON/OFF и с волнением стал ждать. Дисплей металлоискателя засветился желтым. Затем на нем выскочило сообщение о том, что аккумуляторная батарея заряжена и появилось MAIN MENU – главное меню. Не раздумывая, Игорь нажал на кнопку ENTER, и на экране дисплея появился перечень пяти встроенных программ. Игорь выбрал программу «золото» и снова нажал на ENTER. Затем, произведя балансировку прибора, что почти ничем не отличалось от балансировки на «Спектруме», Игорь прошел в ванную и надел наушники.

Прибор почти проигнорировал металл ванны. Ну, может, в наушниках слегка усилилось шипение, и Игорь немного увеличил дискриминацию, чтобы металлоискатель вообще перестал откликаться на иные типы металлов, кроме золота. После этого детектор должен совершенно игнорировать чугун, стальные гвозди, фольгу, пивные банки и прочий металлический мусор, что, собственно, от него и требуется.

Игорь завел рамку над ванной, и тотчас в наушниках раздался четкий и ясный звук.

Он приблизил рамку-катушку к кольцу. Звук в наушниках стал громче, а на дисплее отразилась форма обнаруженного прибором предмета и цифры, обозначающие золото.

Игорь отвел от кольца рамку, и звук «бип-бип-бип» стал пищать в наушниках. На металлическую пятирублевку, брошенную в ванну взамен кольца, прибор никак не отреагировал – в

наушниках стоял тихий шорох, указывающий только на то, что они включены. Великолепно! Вот теперь можно было звонить Ленке.

* * *

Елена Дмитриевна Будова уже стала понемногу привыкать к тому, что ее называют по имени-отчеству. А поначалу было неловко. Студенты-то ладно, им как бы положено. Но вот все остальные, в том числе преподаватели, для которых она еще вчера была студенткой...

Это немного непривычно даже теперь, когда она уже полгода как замдекана геологического факультета.

И это в двадцать шесть лет!

– Двадцать лет назад это был бы редчайший случай в вузовской практике, – сказала мама. – А тридцать лет назад это было бы абсолютно невозможно!

– Времена меняются, – сдержанно ответила ей Лена. Как-никак, она уже год, как кандидат геологических наук, у нее есть монография, посвященная очень важным структурно-тектоническим процессам, и одиннадцать полновесных научных публикаций, в том числе в журналах «Известия Науки», «Геология и Геофизика» и таких престижных зарубежных изданиях, как «LOG ANALYST» и «Chemical Geology». Так что, действительно, ничего удивительного...

Мама, Алевтина Адольфовна, в конце концов, прослезилась и сказала свою обычную фразу про Лениного отца, который, если бы был жив, то непременно порадовался бы успехам дочери. Елена Дмитриевна, как и полагалось по ситуации, сделала печальные глаза и несколько раз вздохнула.

Отец Лены, Дмитрий Олегович Будов, пал жертвой перестройки в девяностом году, получив, как гласило следствие, «случайное ранение, приведшее к смерти». Это было не совсем так, но именно перестройка привела к тому, что молодой экономист Дмитрий Будов решил стать бизнесменом и завел собственное дело. Он организовал строительный кооператив, бравший подряды на ремонт и реконструкцию офисов, что тогда было всеместным поветрием. Любой мало-мальски уважающий себя руководитель считал непрямым долгом отремонтировать и подвергнуть внутренней отделке свою контору, а собственный кабинет убрать в европейском стиле и как можно дороже. Ну, и качнуть в кооперативный карман побольше государственных средств на этот самый ремонт и реконструкцию, чтобы потом часть этих средств стала средствами личными. Совместить, так сказать, приятное с полезным. Называлось это простым и емким словом: откат.

Пару лет все шло вроде бы складно: папа Лены брал один за одним выгодные заказы, заключал подрядные договоры со сметами на работы в полтора, а то и в два раза превосходящие их реальную стоимость, отстегивал необременительный процент «крыше» и откат руководителям предприятий и организаций, подпись которых стояла под договорами. Еще он кормил разных налоговиков – и все были довольны.

В августе девяностого года директор одной конторы, в районе Никитских ворот, потребовал откат в тридцать процентов. Будов согласился – сумма договора была столь значительной и завышенной (как минимум в полтора раза), что потянуть такой откат не составляло труда. Но тут «крыша» потребовала отстегнуть ей вместо обычных пятнадцати процентов от прибыли – все пятьдесят! Свои требования «крыша» мотивировала тем, что их бригадира взяли на разбое, и братья теперь просто обязаны пополнить «общак».

Чтобы судья дал бригадире условный срок, требовалась очень внушительная сумма, но «крыша» не накатывала и вела «базар» по-человечески, так что Дмитрий Олегович после очередного толковища согласился. Но когда он отстегнул требуемый процент «крыше», Будову стало нечем «откатить» заказчику. Договориться с ним полюбовно не удалось. Несколько раз Дмитрий предлагал директору часть суммы с тем, чтобы другую часть отдать позже. Аванс

директор все-таки взял, но остальную часть требовал вернуть в совершенно нереальные сроки. Дмитрий в срок не уложился, и включился пресловутый счетчик. Ситуацию усугубило еще и то обстоятельство, что в дело между Будовым и директором конторы включился смотрящий по району. И когда прошли все сроки, а процент по задолженности Дмитрия Будова директору конторы у Никитских ворот превысил самую сумму долга, в офис кооператива заявилось трое крепких ребят в кожаных куртках и с короткими стрижками и, достав из-под курток десантные «акаэмы», короткими очередями положили всех, кто там был.

Так погиб отец Лены.

Мама Елены Дмитриевны с тех пор никаких близких отношений с мужчинами не имела, свято чтит память о муже и всецело посвятила свою жизнь дочери. Оставшиеся в доме после смерти Дмитрия Олеговича кое-какие деньги она пустила на образование дочери, а когда они закончились, устроилась на вторую работу в одно из небольших книжных издательств переводчицей.

Когда на последнем курсе Лена вдруг затеяла со своей подругой Асей Кологривцевой собственный бизнес, Алевтина Адольфовна сделала все, чтобы пресечь ее начинания. Спокойно и аргументированно, как это было ей свойственно, она сумела убедить дочь в том, что главное для нее учеба, и была очень рада, когда получила обещание закончить вуз достойно. Действительность превзошла ее самые радужные ожидания. Замдекана, шутка ли!

Вздохнув и отдав дань памяти отца, которого она практически не помнила, Лена с Алевтиной Адольфовной попили чаю с тортом и даже пропустили по две рюмочки «Кагора». У Алевтины Адольфовны после этого предательски повлажнели глаза, и она опять произнесла сакраментальную фразу, умильно глядя на любимую и единственную дочь:

– Как бы сегодня порадовался твой отец, глядя на тебя...

Это было в январе, а теперь стоял июль, отпуск только что начался, и Елена Дмитриевна ждала звонка от Игоря. Но мама, как всегда, успела к телефону раньше ее.

– Я должна быть в курсе всех твоих дел, – сказала как-то Алевтина Адольфовна дочери, твердо глядя ей в глаза. – Хочешь ты этого или не хочешь. Потому что ты – все, что у меня есть.

С тех пор мать знала о своей дочери все, о чем та даже не подозревала. Разговорами, заводимыми время от времени, она выуживала многое из того, что Елена сама никогда бы не рассказала, в том числе и про дела сердечные, если таковые имели место. И, конечно, она успевала к звонящему телефону первой (потому как девять из десяти звонков адресовались, естественно, ее дочери).

Так вот, подойдя к телефону раньше Лены, Алевтина Адольфовна подняла трубку и проникновенно произнесла:

– Да? Квартира Будовых вас слушает.

* * *

– Здравствуйте, это Игорь.

– Здравствуйте, Игорь, – Алевтина Адольфовна выразительно посмотрела на дочь, приглашая взглядом подойти к телефону и одновременно прося пока не торопить ее, ведь она тоже хочет поговорить с Игорем. – Вам, надо полагать, Елену?

– Да, Алевтина Адольфовна, – ответил Игорь, давно привыкший, что трубку в доме Лены первой берет ее мать.

– Вы что, все-таки собираетесь поехать на это озеро? – осторожно спросила мать Лены.

– Да, – ответил Игорь. – Я как раз хотел поговорить по этому поводу с Леной.

– Но Казань... Это же самый настоящий бандитский город, Игорь, – в голосе на том конце провода прозвучал неподдельный испуг. – Вы, конечно же, читали о «Казанском феномене»? Так вот, как писала недавно «Комсомолка», этот феномен до сих пор существует!

– Читал, читал, – ответил Игорь. – «Комсомолка» еще не то напишет... Кстати, преступные сообщества такого рода существуют и в Москве. Как и в любом другом городе.

– Но это же ужас, – констатировала Алевтина Адольфовна.

– Да, это не очень хорошо, – согласился Игорь. – Вернее, очень даже плохо. Но, уверяю вас, мы будем предельно осторожны.

– Смею на это надеяться, – сказала Алевтина Адольфовна и показала глазами Лене, что сейчас отдаст ей трубку. – А нельзя вам поехать... на какое-нибудь другое озеро? – нерешительно произнесла она.

– На других озерах нет кладов с золотом, – усмехнулся Игорь. – А потом, это наша общая с Леной мечта.

– Мечта-а, – протянула Алевтина Адольфовна. – Вы что, верите в это свое семейное предание? Ведь это же просто красивая легенда, миф, сказка и не более того.

– Возможно, – ответил Игорь, хоть и привыкший, что разговор с Леной обязательно предваряется общением с ее мамой, но все же начинающий потихоньку терять терпение. – Вот мы и проверим, простая ли это легенда или все же не простая. А потом, мой дед, насколько мне известно, не был ни лжецом, ни выдумщиком, и о кладе на дне озера узнал от своей бабки, которая вообще, как говорят в моей семье, не умела шутить, – немного раздраженно закончил он.

– Простите, Игорь, я вовсе не хотела оскорбить ваших родственников и, конечно же, обидеть вас, поверьте, – виновато произнесла в трубку Алевтина Адольфовна. – Вы знаете, как хорошо я к вам отношусь, так что... передаю трубку Елене.

– Привет, – услышал Игорь через мгновение.

– Привет, – ответил он. – Слушай, а почему бы нам не пообщаться по сотовому?

– Мама не любит, когда я дома разговариваю по сотовому, – сказала Лена. – Кстати, я тоже.

– А чего еще «не любит» твоя мама? – не удержался Игорь и тотчас пожалел об этом.

– Я хочу, чтобы ты сменил тон, – слегка повысила голос Лена. – Иначе у нас не получится никакого разговора.

– Хорошо, прости.

– Ладно, проехали. Так что там у вас, господин Савелов?

– Мне прислали прибор, – сказал он, чувствуя, что не в силах скрыть восторг даже по телефону.

«Какой он еще мальчишка», – подумала Лена и улыбнулась. Пожалуй, это ей в нем даже нравилось – это мальчишество.

– Неужели? И как техника?

– Просто чудо! – выпалил в трубку Игорь. – Я ее уже настроил и опробовал. Работает, как часы. Мы можем ехать.

– Когда?

– Да хоть завтра. Билеты я беру на себя.

– Разумеется.

Лена засмеялась, и Игорь понял: порядок.

– Я рад, что у тебя хорошее настроение, – сказал он.

– Ну, а с чего ему быть плохим, правда?

– Правда, – ответил Игорь. – Лен?

– Что?

– Я хочу, чтобы мы с тобой были вместе.

В трубке повисла тишина.

– Я это очень сильно хочу.

– Насколько сильно?

– Настолько, что... ух! Прямо даже не знаю, что делать!

– Да?

– Да.

Он крепче прижал трубку к уху. Подождал. А потом широко улыбнулся, потому что в трубке раздалось тихое:

– Я тоже... ух... Но попытаюсь справиться.

ГЛАВА 3

ИЮЛЬ 1949 ГОДА

– Помогите! Человек утонул, помощи-ите-е...

Из станционной будки, ковыляя, выскочил хромой старик в длинной рубашке и шароварах и, сложив руки рупором, закричал:

– Щиво там у васы?

– Быстрее, быстрее! – закричали ему девушки. – Здесь человек утонул!

– Билят, – с сильным акцентом выругался старик, и что есть силы дернул язык колокольца, подвешенного у дверей будки.

Через несколько мгновений на берег выбежал белобрысый парень в завернутых до колен штанах и в майке.

– Чо случилось, бабай? – выпалил он.

– Там щилавик утанул, – сказал хромой и показал рукой на лодку с Дашей и Машей. – Сыпсать надэ.

Парень бросился к лодке с надписью «Спасательная» на боку и во мгновение ока оказался на середине озера.

– Что? – спросил он, подгребая к лодке с девушками.

– Ваха, – сказала Маша, показывая рукой в воду.

– Что Ваха? Говори внятно.

– Вахтанг! Он... утонул.

– Где?

– Вон там, – хором сказали девушки, показывая на место, куда свалился Ваха.

Белобрысый быстро скинул одежду и, оставшись в черных сатиновых трусах почти до колен, встал на корму лодки и нырнул.

Не было его долго.

Наконец, над поверхностью воды показалась его голова.

– Он точно здесь утоп? – спросил он, тяжело дыша.

– Точно, точно, – ответила Даша.

Парень набрал в легкие воздуха и снова нырнул.

Потом еще и еще.

– Ил там один, не видно ни черта, – вынырнув в очередной раз, сообщил он девушкам. – Надо бы сетями.

Маша заплакала.

– Не реви, – одернула ее Даша. – Поздно теперь реветь.

– Как же так? – сквозь рыдания, спросила Маша. – Только что был живой, а теперь раз, и...

Она зашлась плачем.

– А нам что делать? – спросила белобрысого Даша.

– Что, что... Гребите к берегу, – последовал раздраженный ответ. – Какой от вас здесь толк?

Даша села к веслам и довольно ловко стала грести, сердито поглядывая на рыдающую Машу.

На берегу их уже поджидали белобрысый со стариком.

– Как же итэ, а? – спросил старик.

Девушки молчали.

– Ты в милицию позвонил? – спросил старика белобрысый.

– Позывонил.

– Надо сетями по дну пройти. Или «кошками». Сходи к Степану, а?

– Латны, – кивнул старик и заковылял по тропе.

Девушки сели на перевернутую вверх дном лодку. От солнца оставался лишь небольшой красноватый огрызок.

Милиционеры приехали на новенькой «Победе». С берега к девушкам и стоящему рядом с ними спасателю спустились двое: пожилой милиционер в темно-синих галифе и таком же кителе, и средних лет человек с пронзительным взглядом, в сером костюме и белой рубашке без галстука.

– Здравствуйте, – сдержанно поздоровался милиционер.

Человек в сером костюме лишь коротко кивнул.

– Участковый уполномоченный младший лейтенант милиции Коноваленко, – представился пожилой.

Человек в сером костюме молча оглядывал Машу и Дашу.

– Что у вас тут произошло? – спросил участковый.

– Утопленник, – ответил парень.

– Как это случилось? – спросил человек в сером костюме.

– Я не знаю, – ответил парень. – Меня позвали, я стал нырять...

– А кто знает? – прищурился на него серокостюмный.

– Вот, они, – кивнул в сторону девушек белобрысый.

– Так, так, – человек в костюме подошел к девушкам, и те поднялись с лодки. – Вы, стало быть, свидетели происшествия?

– Ага, – быстро кивнула Маша. – Мы все видели, как он, как Ваха... ну, в общем, утонул.

– Утопленника звали Ваха? – впился в Машу глазами серокостюмный. – То есть, Ваханг?

– Ага.

– Значит, вы с ним были знакомы?

– Простите, а вы кто? – с вызовом спросила Даша.

– Я оперуполномоченный уголовного розыска Минибабаев, – ответил человек в сером костюме и пристально посмотрел на Дашу. – А вы?

– Студентка техникума легкой промышленности Дарья Венедиктовна Лукницкая.

– Хо-ро-шо, – черкнул что-то в блокноте с лирой на обложке оперуполномоченный. – С вас, стало быть, и начнем. – Ваше имя?

– Я уже вам его сказала, – ответила Даша.

– Ничего, скажите еще раз, – невозмутимо произнес Минибабаев. – А вы, – он посмотрел на Машу, погуляйте пока, но далеко не уходите. Вы мне тоже скоро понадобятся.

Маша поднялась с лодки и отошла в сторону.

– Итак, ваше имя? – обратился он к Даше, удостоверившись, что ее подруга отошла на достаточное расстояние, чтобы не слышать их разговора.

– Дарья Венедиктовна Лукницкая, – некоторым вызовом ответила Даша.

– Документики какие-нибудь при себе имеются? – как бы мимоходом поинтересовался Минибабаев.

– Студенческий билет.

– Будьте добры, – протянул он желтоватую ладонь.

Даша нервно отщелкнула замочек маленькой сумочки.

– Вот.

– Угу.

Минибабаев раскрыл студенческий билет и посмотрел на фотографию:

– Да, это вы.

– Ну, а кто же еще...

– Всякое бывает.

С этими словами он сложил студенческий билет и спрятал его в нагрудный карман пиджака.

– Итак, – произнес он, – рассказывайте все с самого начала.

– Ну, мы решили покататься на лодке... – сказала Даша, но оперуполномоченный перебил ее:

– Я же сказал: с самого начала. А именно, как вы познакомились с утонувшим, при каких обстоятельствах...

– Хорошо, – Даша вздохнула. – Мы с Машей были на футбольном матче, смотрели футбол. Потом решили зайти в летний ресторан выпить минеральной воды, потому что было жарко...

– Почему вы решили зайти именно в ресторан? Разве нельзя было купить воды в палатке? – перебил ее Минибабаев.

– В палатке теплая, а нам хотелось холодной.

– Хорошо, продолжайте.

– Мы взяли боржом и сели за столик у окна. Разговорились.

– В ресторане было много народу?

– Нет. Было занято, кажется, всего три столика: мужчина с женщиной, потом три грузина и мы.

– Что за грузины?

– Обычные грузины, с усами и носами. Вместе с ними сидел Вахтанг Геворгадзе, центральный форвард тбилисской команды «Динамо». Он сегодня забил гол и вывел свою команду в полуфинал. Герой дня.

– Вы знали его?

– Знала по матчам. Его знают все болельщики, он хороший футболист... Был, – добавила она.

– Дальше, – записав что-то в блокноте, приказал оперуполномоченный.

– Потом они разругались, и...

– Погодите, кто с кем разругался? – не дал ей договорить Минибабаев.

– Те двое грузин с Геворгадзе.

– Из-за чего?

– Я не знаю. Просто, один, который был старше, встал из-за стола и сказал своему приятелю что-то вроде «он нас не уважает, пошли отсюда».

– И они ушли? – спросил оперуполномоченный.

– Да.

– Дальше.

– А дальше, Ваха... то есть, Вахтанг подсел за наш столик, и мы познакомились.

– Значит, когда двое грузин, что сидели за одним столиком с Геворгадзе, ушли, он подсел к вам?

– Да. Он и раньше посматривал в нашу сторону, – сказала Даша.

– Хм. Он с этими двумя грузинами выпивал?

– Кажется, да.

– Что?

– Они пили шампанское.

– Хорошо. Продолжайте с того момента, как он подсел к вам, – сделав новые пометки в блокноте, сказал Минибабаев.

– Он заказал фрукты и коньяк, а потом мы разговорились, и он предложил выпить на брудершафт.

Оперуполномоченный поднял брови и внимательно посмотрел на Дашу.

– Он хотел с нами подружиться, – пояснила Даша.

– Дальше.

– Мы выпили на брудершафт, а потом решили покататься на лодке и поехали на озеро. Вахтанг поймал машину, и...

– Погодите, погодите, – остановил Дашу оперуполномоченный. – Вот вы сказали, что решили покататься на лодке. А кто первый это предложил?

Минибабаев застыл с карандашом в руке, ожидая ответа.

Даша молчала.

– Вы слышали, что я спросил? – оперуполномоченный сверлил девушку взглядом.

Даша молчала.

– Так кто? – строго спросил он.

– Я, – тихо ответила Даша.

– Вы, – удовлетворенно произнес Минибабаев.

– Да, я. Это я предложила покататься на лодке, – резко вскинула голову Даша. – И что тут такого?

– Ничего, – непринужденно ответил оперуполномоченный и даже слегка пожал плечами. – Просто после вашего предложения погиб человек. Здоровый, молодой человек, спортсмен, кстати говоря. И это выглядит, на мой взгляд, очень даже странно.

– Вы считаете меня виноватой в этом? – задохнулась от возмущения Даша.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Минибабаев. – Кого вы считаете виноватым?

Повисло гнетущее молчание.

– Хорошо, продолжайте, – снова сделав запись в блокноте, произнес оперуполномоченный. – Значит, вы предложили покататься на лодке, ваша подруга вас поддержала, и Вахтанг согласился.

– Да, – ответила Даша.

– Вы брали с собой спиртное?

– Да. Вахтанг купил в ресторане бутылку вина. Но мы не пи...

– И вы поехали на озеро.

– Да. Но мы не...

– Там вы взяли лодку и стали кататься.

– Да. Но мы...

– Кто сидел на веслах?

– Вахтанг.

– Как случилось, что он упал в воду?

– Он стал открывать бутылку. У него не получалось. Мы предложили ему помочь, но он сначала отказался.

– А потом согласился?

– Да.

– Дальше.

– Мы стали держать бутылку, а он открывать. У него был такой нож, со штопором, – Даша заметно волновалась, что, конечно, не ускользнуло от пронизывающего взгляда оперуполномоченного. – Мы договорились, что на счет раз-два-три он дернет пробку.

– Угу.

– Он дернул... – девушка провела ладонью по лбу, – пробка неожиданно легко вышла, и он перевернулся за борт лодки. И исчез под водой. Это было так неожиданно, что мы не успели ничего сообразить. А потом, – она какое-то время помолчала, собираясь с силами, и даже пресекла желание поплакать, – мы стали звать на помощь. Наверное, он не умел плавать, – закончила она и все же заплакала.

– Может быть, может быть, – пробормотал Минибабаев, записывая показания Даши в блокнот. – Это мы, конечно, проверим.

Он поднял на Дашу глаза:

– А вы знали, что он не умеет плавать?

– Нет, – она покачала головой и закрыла лицо ладонями. – Откуда? Мы с ним были знакомы только часа два.

Минибабаев оставил ее и подошел к белобрысому спасателю.

– Вы спасатель?

– Да, спасатель.

– Ваше имя, отчество, фамилия?

Белобрысый ответил. Оперуполномоченный записал его данные в блокнот и спросил:

– Ну, а что вы можете сказать по поводу случившегося?

– Как только последовали крики о помощи, я немедленно приплыл к их лодке и стал нырять за этим парнем. Но обнаружить не смог. Там, около моста, слишком глубоко. И ил там толщиной несколько метров.

– А вы не должны курсировать на лодке возле отдыхающих? – спросил Минибабаев.

– Если есть купающиеся или много катающихся на лодках и яликах, – пояснил белобрысый, глядя мимо оперуполномоченного. – А так лодка была одна, и достаточно было наблюдения с берега. Погода сегодня спокойная, и случиться ничего не должно было.

– Но – случилось, – заметил оперуполномоченный.

– Да, – кивнул белобрысой головой спасатель. – Парень взял, да ни с того, ни с сего кувырнулся за борт. И сразу топориком на дно. А там, около моста, глубоко, метров двенадцать и...

– Ил толщиной несколько метров, – иронически закончил за белобрысого оперуполномоченный.

– Именно, – немного обиженно сказал парень и добавил: – И не видно ни черта.

– Ладно, с вами мы подробнее побеседуем позже, – многозначительно и с некоторой зловещинкой в голосе произнес Минибабаев. – А теперь... Можно вас? – обратился он к Маше.

Маша кивнула и, опустив голову, подошла.

– Вас зовут...

– Мария Филипповна Кущина, – сказала Маша.

– Скажите, гражданка Кущина, вы видели, как Вахтанг Геворгадзе упал в воду? – спросил Минибабаев.

– Да.

– Как это случилось?

– Он никак не мог откупорить бутылку с вином, долго с ней возился. Пробка оказалась очень тугая. Попросил нас помочь. Мы стали держать бутылку, а он вынимать пробку. А когда пробка вынулась, он не удержался на ногах и упал в воду...

– И утонул.

– Да.

– И вы не пытались его спасти? – быстро спросил оперуполномоченный.

– Все произошло так быстро. Мы просто ничего не поняли, – всхлипнула Маша.

– А потом? Что было потом?

– Потом мы стали звать на помощь.

– Дальше.

– Дальше приплыл на лодке вон тот парень, – Маша кивнула в сторону белобрысого, – и стал нырять.

– Как долго вы звали на помощь?

– Недолго.

– К тому времени, как появился спасатель, сколько времени прошло? – Минибабаев застыл с карандашом в руке.

– Не знаю, – ответила Маша.

– Ну, пять, десять минут? Может, полчаса?

– Минут пять, – ответила Маша, подумав.

– Пять минут? Вы не ошибаетесь? – посмотрел на девушку Минибабаев. – Может, семь минут, восемь?

– Я не знаю, у меня нет часов, – растерянно произнесла Маша, моргая короткими ресницами. – Да, наверное, минут семь-восемь.

– Минут семь-восемь, – повторил Минибабаев и сделал запись в блокноте. – Хорошо. Пока вы свободны.

Минибабаев записал адреса девушек и спасателя, опросил старика и через несколько минут уехал, наказав участковому немедленно позвонить ему, как только будет найдено тело футболиста.

Степан с белобрысым спасателем закинули сеть на месте, где, по их мнению, мог находиться труп, но вытащили лишь несколько мелких серебристых карасиков да с пяток огольцов.

Закинули еще.

Пусто.

На третий раз, как обычно и бывает в сказках, невод за что-то зацепился.

– Есть! – прошептал Степан и посмотрел на белобрысого.

– Есть! – крикнул белобрысый участковому.

– Давай, тяни. Да не торопись, не так шибко. По малу давай, – загорелся азартом Степан.

Вдвоем, медленно, они стали выбирать сеть.

– Что-то он больно тяжелый, – усомнился спасатель.

– Покойники всегда тяжелые, – веско заметил Степан. – Да еще когда в воде, липнет всякое разное...

Тянули они долго. Центрфорвард прямо-таки напрочь отказывался появляться на поверхности. Наконец, в мутной воде озера показался какой-то темный силуэт.

– Давай, еще немного, и держи крепче, – сказал белобрысому спасателю Степан и наклонился, чтобы посмотреть в воду.

– Что за черт? – в крайнем удивлении говорил он. То, что он углядел в сетях, было похоже на ящик, но уж никак не на человеческий труп.

– Что? – спросил Степана белобрысый. – Может, веревки под него подвести? Все легче будет. И вернее.

Степан разогнулся, буравя взглядом воду:

– Выходит, правду про это озеро говорят. Что есть в нем...

Он замолчал, задумавшись.

– Что ты сказал? – спросил спасатель.

– Так, ничего, – ответил Степан, – лезет в голову всякая чушь.

В это время сеть неожиданно ослабла, и тянущие едва не опрокинулись за борт, как незадолго до этого вошел в соприкосновение с озером и пропал в его мутных водах ведущий футболист клубной команды «Динамо» Вахтанг Георгиевич Геворгадзе.

Теперь выбрать всю сеть в лодку было проще простого. В самом ее конце зияла дыра, будто неведомое озерное чудище выгрызло себе свободу острыми клыками.

– Вот те раз! – воскликнул белобрысый. – Порвалась. Что за досада такая! Гнилая была, что ли?

– Ста-арая, – неопределенно протянул Степан. Говорить спасателю или кому бы то ни было о том, что он видел под слоем воды, старый рыбак не собирался.

– А что взял такую? – спросил белобрысый.

– У меня что их, десяток, что ли? – по-стариковски проворчал Степан и добавил: – Где я тебе новую-то возьму? И эту вот порвали.

Изо всех сил изображая досаду, он бросил сеть на дно лодки.

Если бы вместо белобрысого спасателя рядом с ним находился маэстро Станиславский, то знаменитый режиссер тотчас бы заметил в словах рыбака фальшь и изрек бы свое хрестоматийное: «Не верю». Но рядом со Степаном стоял и глазел на дыру в сети простоватый парень по имени Володька, который летом работал на лодочной станции спасателем, а по зимам обслуживал каток на Ближнем Кабане, правя лезвия коньков точильным камнем и очищая от снега лед. И который будет «Володькой» и в тридцать, и в сорок и, скорее всего, в пятьдесят лет.

Поэтому он не заметил наигранности в словах рыбака и посочувствовал ему из-за порванной сети. На обратном пути к берегу он даже предложил Степану помочь в починке снасти.

– А-а, ладно, сам как-нибудь разберусь, – отмахнулся Степан, раздумывая, как бы ему, не привлекая внимания, еще раз пошарить по дну озера около моста.

Слышал, и не единожды слышал он про золото на дне озера. Будто бы перед самым приходом чехословаков и «учредилловцев» в город в восемнадцатом году, власти, спасая часть золотого запаса России, повезли по Оренбургскому тракту целый вагон золота на подводах, но было уже поздно, и чтобы оно не досталось врагу, золото было сброшено в озеро. Поговаривали еще, будто это не власти вовсе, а громилы-налетчики, ограбившие Государственный банк перед самым захватом города чехословаками и Каппелем, везли золото по Оренбургскому тракту на подводах, и это они сбросили золото в озеро, не имея возможности прорваться через заставы и разъезды белых.

Много чего говорили и судачили про всякие сокровища, спрятанные в озере. Была еще легенда о том, будто на дне озера находятся несметные богатства ханской казны, сокрытые от глаз людских толщей воды и донного ила. Будто бы незадолго до взятия Казани полками Ивана Грозного, когда город был уже осажден, в одну из ночей все же удалось вывезти ханскую казну за город и затопить ее на озере Кабан в потаенном месте. И были в той казне золотые и серебряные слитки, платиновые бруски, золотые и серебряные монеты, изумруды величиной с грецкий орех, редчайшие бриллианты с Востока, красные, как густое церковное вино рубины, диадемы, блюда, кувшины, кальяны из чистого золота, ожерелья, перстни и много еще чего. Эту легенду Степан слышал еще в детстве и не один раз представлял себе в мечтах, как он находит это золото, изумруды и алмазы и что он потом делает с ними.

О, уж он-то прекрасно знал, что будет делать с найденными сокровищами!

Он не станет пировать, покупать себе «Победу» и ходить в роскошных шелковых халатах, отороченных золотом, по дому. Не будет он и бросаться деньгами в ресторанах. Нет, черта с два! Он не будет таким дураком, чтобы через месяц к нему заявили следаки-мусора с вопросом: «Откуда дровишки, приятель»?

Степан будет жить до поры скромно, довольствуясь лишь тайным сознанием, что он самый что ни на есть богатый человек в городе, а может, и во всей республике. А дальше видно будет... Ну не вечно же будет жить Усатый Хозяин?

Легенда подкреплялась еще тем, что время от времени люди находили в озере старинные ножи с серебряными рукоятями, золотые и серебряные перстни, браслеты и монеты с арабскими буквами, похожие на рыбы чешуйки. Но все эти находки случались возле обувной фабрики «Спартак», из который вытекал в Кабан зловонный ручей.

На Среднем Кабане, кроме оружия времен Гражданской войны, ничего не находили, а вот на Дальнем, был случай. Году эдак в двадцать восьмом, когда Степану едва перевалило за тридцатник, зацепился якорем за что-то буй. Вытянуть якорь бакенщику не удалось. Не удалось этого и бакенщику с помощником. Тогда позвали Степана и еще одного рыбака, оказавшегося поблизости. Когда якорь стали вытягивать, тяжесть была невероятная. Потом, метра за

полтора до поверхности воды, то, за что зацепился якорь, сорвалось. А когда якорь вытащили, оказалось, что одна его лапа разогнулась. Ящик, набитый золотом? Или что-то другое?

Погруженный в свои мысли, Степан не шибко глядел по сторонам. Потому и не заметил на мосту близ места, где они бросали сеть, немолодого уже человека, который внимательно наблюдал за происходящим. А с той поры, как Степан с Володькой вытянули рваную сеть, и вовсе не отводил от них глаз...

ГЛАВА 4

ИЮЛЬ 2008 ГОДА

Игорь невольно хмыкнул.

«Красивая легенда», – так выразилась об их семейном предании мать Лены.

«Так, да не так», – выговорил бы дед Игоря, Сергей Геннадьевич Кочетков, мудреную фразу, совершенно не переводимую на иностранный язык.

Конечно, семейное предание – оно и есть предание, хотя, с другой стороны, всякая легенда покоится на фундаменте реального факта. А Сергей Геннадьевич факт существования клада с золотом признавал. Иначе не рассказал бы о нем любимому внуку.

Сама легенда о золоте в казанском озере впервые была услышана от Ленчика, то бишь Леонида Петровича Красавина. Жил он после Гражданской войны со своей сестрой Глафирой Петровной, по мужу Кочетковой, хоть и в разных квартирах, да в одном доме на Большой Дмитровке, служил в небольших чинах в санэпидемнадзоре при одном из управлений Моссовета и, несмотря на шепутной характер, болтливым не был. Обстоятельство, кстати, немало-важное.

В двадцать шестом году Леонид Петрович женился, и у него родился сын Валерий. Собрав всю родню и выпив, как подобает, по сему случаю, он и рассказал о золоте, сброшенном в озеро Дальний Кабан в городе Казани в восемнадцатом году. Правда, он умолчал о том, откуда взялось то золото, и представил события так, будто он был не более чем рядовым участником произошедшего. Мол, вместе с возчиками своими руками сбрасывал содержимое восьми подвод – а загружены они были под самую завязку ящиками с золотом, мешками с золотыми монетами и так далее – с моста в озеро.

– А зачем вы сбросили в озеро золото? – спросила одна из дочек Глафиры Петровны, будущая прабабка Игоря.

– Чтобы не досталось белочехам и каппелевцам, – отвечал, не моргнув, Ленчик, и все прониклись гордостью за него, такого принципиального и героического.

В сорок первом Ленчик погиб. Вполне героически. Добровольно пошел в ополчение защищать Москву, и в первом же бою был убит. Впрочем, как и многие его однополчане.

В сорок третьем из эвакуации вернулась Глафира Петровна с дочерьми и маленьким Сережей, будущим дедом Игоря. О золоте в семье больше не заговаривали, пока Сергея Геннадьевича Кочеткова не хватил удар. Случилось это в две тысячи пятом году, когда Игорь только-только развелся. Вообще, женился он рано, в двадцать лет, на своей однокурснице, но, как говорится, не сложилось. Однокурсница оказалась красивой дурой, и не более. Трахаться она умела и любила, но вот говорить с ней было совершенно не о чем. А, как оказалось, это тоже немаловажная вещь в доме. Поэтому в самом конце декабря две тысячи пятого года супруги развелись. Без всякого скандала и дележа имущества: бывшая жена Игоря просто вернулась к маме. А под Рождество Христово деда разбил инсульт. И одиннадцатого января две тысячи шестого года Сергей Геннадьевич и рассказал Игорю о золоте плохо слушающимся языком. А через два дня умер. С чего бы человеку пришлось в голову травить пустые байки за два дня до смерти? Да еще в таком состоянии?

Разумеется, Игорь загорелся идеей найти затопленное. Познакомился кое с кем из «черных археологов» и целый сезон ходил с металлоискателем по окрестностям Волоколамска, набирался опыта.

Он стал заниматься подводным спортом и даже ездил с группой аквалангистов на Черное море, где и познакомился с Леной. Она была москвичкой и тоже ныряла с аквалангом, но, в отличие от него, уже пятый год. А когда ниточка, завязавшаяся между ними, превратилась в

то, чему пока ни она, ни он не находили точного определения, Игорь рассказал о своей мечте найти клад в казанском озере и увлек Елену своей идеей.

Они стали готовиться. Почти два года строили планы, как поедут на это озеро. И если у Лены все же время от времени возникали какие-то сомнения относительно клада, то Игорь нисколько не сомневался: он твердо верил, что этот клад существует. Помимо дедовых слов, были и иные, пусть и косвенные, но доказательства существования золота на дне озера в Казани. Их Игорь раскопал в основном в Интернете. И сделав первые распечатки, он сложил их в папку, которая постепенно наполнялась новыми материалами.

Бумаги хранились в двух прозрачных файлах.

В первом – сведения, посвященные ханской казне, которая якобы была спрятана в озере, когда войска Ивана Четвертого осадили летом 1552 года Казань. Открывалась она страничкой, которую Игорь назвал:

Легенды озера Кабан

Самой старинной легендой, где упоминается озеро Кабан, является легенда № 1 – о происхождении названия озера. Большинство казанских ученых отвергает первоначальную версию происхождения названия озера от свирепого и клыкастого животного, хотя, по свидетельству старожилов, до начала 30-х годов прошлого века в окрестностях озера кабаны действительно водились. Гораздо больший вес имеет версия, согласно которой на берегах озера некогда существовало небольшое княжество, податное Казанскому ханству и носящее название Кабанского, то есть «Княжество Кабан бека». Подтверждением служит легенда о том, что начало здешнему поселению положил бек Кабан, спасшийся от грозного и свирепого завоевателя Аксак-Тимура, разрушившего столицу Булгарского государства город Булгар и ранившего самого бека. Выйдя на берег прекрасного озера, бек Кабан вымыл свои раны озерной водой, и они мгновенно зажили. И бек со своей дружиной порешили остаться здесь жить...

Согласно легенде № 2, в этом озере, находятся несметные сокровища ханской казны. Как гласит эта легенда, когда полки Ивана Васильевича подошли к Казани, ханские сокровища под покровом ночи были вывезены из города и затоплены в потаенном месте. Чтобы найти его, надо было встать у ручья, впадавшего в озеро Кабан с южной стороны, потом пройти берегом расстояние, равное полету стрелы, найти на берегу приметное место, от которого следовало отмерить по воде расстояние в десять локтей. Там, в самом глубоком месте озера, и покоилась ханская казна из золотых и серебряных кубков и слитков, платиновых брусков, монет, дорогих ювелирных изделий и драгоценных камней. Но надо было знать еще один секрет, чтобы поднять ее на поверхность...

Далее рукой Игоря было написано:

Несмотря на находки монет, ожерелий и прочих старинных раритетов, легенда № 2 имеет несколько издержек:

1. Согласно русским летописям, войска Ивана Четвертого обложили город так, что мышь не проскочит. Каким образом через русские заставы прорвался целый караван с сундуками и бочками к загородному в те времена озеру?

2. Клад – это кратковременный схрон. Люди надеются вернуться в скором времени и воспользоваться им. Следовательно, лучше было бы спрятать казну в месте сухом и легче доступном. Мало ли было подземных ходов? Спрятать сокровища в один из ходов и завалить его к чертовой матери.

3. Скорее всего, раз уж родилась такая легенда, в озеро, возможно, и побросали что-нибудь в бочках и сундуках. К примеру, камни. Для отвода глаз. Дескать: «что делаете?» «Да так, сокровища всякие прячем». А казну все же схоронили в сухом и недоступном для общего обозрения месте.

В памяти казанцев сохранилась и легенда № 3, поэтическая, согласно которой сестра хана Мухаммеда, предсказав падение Казани, а с ней и всего ханства, впала в меланхолию и перманентный стресс, в результате чего бросилась в озеро Кабан и превратилась в водяную, по-татарски – су анасы. Когда в озеро покидали ханские сокровища, она добровольно взяла на себя роль их стража, и всех, кто потом пытался посягнуть на сокровища, утаскивала на дно озера, ругаясь нехорошими словами и дико хохоча.

И, взяв с собою алчущих мерзавцев,
на дно тащила их, ругаясь и смеясь,
и смех ее морозом бил по коже
и члены все невольно холодил...

Приписка рукою Игоря:

Без комментариев (особенно про члены).

Второй файл открывался выпиской об озере и распечаткой из Интернета заметки об экологическом его состоянии...

Об озере

Кабан представляет собой систему из трех озер, связанных друг с другом рукавами-протоками. Ближайшее к городу озеро так и зовется: Ближний Кабан. Затем идет Средний и Дальний Кабан.

Есть версия, что эти озера не что иное, как остаток древнего русла Волги, которая за тысячелетия отошла от будущего города Казани на несколько километров.

Протяженность всех трех озер около 8 км, средняя ширина до 400 м, глубина 8–12 м.

Самая глубокая точка – 22 м – находится в заливе «Чертов угол» Среднего Кабана, где до пятидесятих годов была пристань и находился парк отдыха с лодочной станцией, летним театром и рестораном.

Интернетовская распечатка называлась:

Экологическое состояние озер под общим названием Кабан

Вода в озерах практически «мертвая». То есть потерявшая способность к самоочищению. Планктон почти везде отсутствует, кроме Дальнего Кабана, как наиболее удаленного от обувного объединения «Спартак».

Вода мутная, в озере Ближний Кабан покрыта рыжей пеной и радужными разводами с островками спекшихся комочков мазута, что явилось следствием того, что до недавнего времени обувной комбинат «Спартак» потреблял больше половины озерной воды и ежесуточно сливал в озеро 400 кубических метров сточных вод, содержащих дубильные вещества, серные кислоты и прочие вредные отходы.

Помимо технического загрязнения, озера под общим названием Кабан подвержены тепловому загрязнению. Это значит, что вода лишается растворенного в ней кислорода, что провоцирует развитие сорняковых водорослей, которые, размножаясь, отбирают у воды оставшийся кислород и приводят к гибели рыб и прочих обитателей озера. Отмирая, водоросли опускаются на дно и гниют, выделяя сероводород и образуя все увеличивающуюся массу ила.

Из всего вышеизложенного следует сделать единственный вывод: систему трех озер надлежит немедленно спасать, иначе процесс их уничтожения примет необратимый характер, а их утрата нанесет непоправимый ущерб экологическому балансу города и его ближайших окрестностей.

В отдельном файле лежало несколько страниц, где было самое интересное, подтверждавшее, пусть и косвенно, семейное предание.

1925 год

Наркомату Татарской Автономной Республики поступило предложение от «Ribber Mayer corporation», фирмы США, провести изыскательские работы на озере Дальний Кабан с его последующим очищением при одном условии: все находки должны перейти в собственность фирмы «Ribber Mayer corporation». Такие условия руководство республики не приняло.

Здесь Игорь сделал приписку, поставив в скобках восклицательный знак.

Почему американская компания предложила провести изыскательские работы и очистку Дальнего Кабана, а не Ближнего, где, по легенде, были спрятаны сокровища ханской казны?

Потому что их интересовала не мифическая ханская казна, а реальное золото, сброшенное в Дальний Кабан в 1918 году (!).

1928 год

Буй на Дальнем Кабане зацепило якорем. Вытянуть якорь бакеницику не удалось. Тогда он позвал помощника, но и вдвоем они не смогли вытянуть якорь, потому что «тяжесть была невероятная». Потом якорь вдруг пошел легко, а когда его вытащили, оказалось, что одна его лапа разогнулась.

Аккуратным почерком Игорь вывел надпись, подчеркнув последнее слово.

Уж не мешок ли с золотыми монетами зацепила лапа якоря буй? Или еще что покруче?

1946 год

Курсанты Речного техникума во время учебных занятий на шлюпках на озере Дальний Кабан бросали якорь-кошку и зацепили ящик, очень тяжелый и явно наполненный каким-то металлом. При подъеме ящик на полтораметровой глубине сорвался.

Вновь Игорь не остался равнодушным, написав на полях печатными буквами:

Ящик, скорее всего, был с золотыми брусками.

1949 год

В озере Дальний Кабан в районе Горбатого моста утонул в июле месяце футболист тбилисского «Динамо». Найден он был только на третьи сутки, причем солдаты, вызванные на поиски трупа, не раз натыкались своими шестами на что-то твердое.

Приписка рукой Игоря:

На что?

1950 год

Газета «Советская Татария» (сокр.)

«Некоторые жители Казани стали свидетелями события, заставившего вспомнить о древней легенде, гласящей о спрятанных в озере Кабан сокровищах казны казанского хана Едигера.

Произошло же следующее.

В озере Дальний Кабан утонул подвыпивший мужчина, и несколько лодок стали искать труп утопленника, кружа в предполагаемом месте и прочесывая дно железными «кошками».

Внезапно одна из лодок как будто стала на якорь: ее «кошка» зацепилась на дне за что-то очень тяжелое. К ней подошли остальные лодки, и сидевшие в них люди попытались общими усилиями вытащить добычу со дна озера. Однако задача оказалась не из легких: туго натянутая веревка почти звенела струной, но груз на дне озера и не собирался поддаваться. Постепенно все же удалось приподнять, раскочевать его и, перехватывая веревку руками, подтянуть это нечто тяжелое к поверхности воды. Спасатели увидели небольшой сундук, весь в иле. Оставалось поднять находку на борт лодки, но... покрытый большим слоем ила сундук выскользнул из рук и мгновенно исчез под водой. Последующие поиски ни к чему не привели... Вызванные на место происшествия водолазы из-за многометрового слоя ила на дне озера также были вынуждены отказаться от дальнейших поисков».

Вновь Игорь не остался безучастным, сделав приписку:

Может, это был не сундук, а ящик?

1958 год

Снова буй на Дальнем Кабане зацепило якорем. Когда стали тянуть якорь, веревка просто оборвалась.

Приписка рукой Игоря:

Опять ящик? А может, что поболее?

1959, 1964, 1967, 1988 годы

Разные японские фирмы в указанные года предлагали очистить озеро от ила с условием, что все найденное на его дне перейдет в их собственность. Всякий раз они получали отказ.

Почему? – вывел Игорь крупными буквами.

Здесь же хранились три публикации – отчеты экспедиции на озеро Дальний Кабан, организованной газетой «Молодежная правда» в 1988 году.

Отчет первый

04. 06. 1988

ТАЙНА ОЗЕРА КАБАН

Озеро Кабан находится в черте города Казани. Оно представляет собой систему из трех озер, связанных между собой протоками. Согласно древней татарской легенде, в озере Ближний Кабан спрятаны сокровища казанских ханов, но документальных свидетельств, подтверждающих эту легенду, не имеется.

Самое глубокое озеро – Средний Кабан, но оно для нас не представляло интереса. Наша экспедиция направлена на розыски части золотого запаса царской России, которая была вывезена в Казань после революции и сброшена при отступлении Красной армии в 1918 году в озеро Дальний Кабан возле села Бутырки, входящего ныне в черту города. Это уже не легенда и не миф, а настоящий исторический факт, подкрепленный пусть косвенными, но все же историческими, и причем многочисленными свидетельствами. Кроме того, в озере Дальний Кабан не раз и не два обнаруживались весьма тяжелые металлические предметы, которые не удавалось поднять рыбакам и спасателям. А, как известно, золото один из самых тяжелых металлов...

Третьего июня наш корреспондент встретился с Владимиром Сергеевичем Коноплевым, бывшим спасателем лодочной станции от спортобщества «Динамо». Этой станции на Дальнем Кабане лет пятнадцать как нет, Владимир Сергеевич уже два года, как вышел на пен-

сию, но события почти сорокалетней давности помнит так, как будто они произошли совсем недавно.

– Сразу бы хотелось уточнить, – сказал нам бывший спасатель, – что газета «Советская Татария», описавшая этот случай в пятидесятом году, немного ошиблась. Мы тогда вытащили не сундук, а ящик, очень тяжелый и весь грязный от большого количества ила на нем. Все остальное – так, как и было написано. Мы искали тело утопленника железными «кошками», и вдруг моя лодка резко остановилась. Стало ясно, что «кошка» зацепилась за что-то тяжелое. Я попробовал вытащить ее, но у меня ничего не получилось. Тогда я закричал, и мне на помощь подошло еще несколько лодок. Мы стали тянуть веревку втроем, потом нам удалось раскатать «кошку» с грузом, за который она зацепилась, и потихоньку вытягивать веревку. Скоро, – продолжал свой рассказ Владимир Сергеевич, – я увидел не такой уж и большой ящик, набитый чем-то очень тяжелым. Я и еще один из спасателей, Игнат Феклин, подвели под ящик веревки, вытянули его на поверхность и схватились за него руками. Он был очень тяжелый, да еще толстый слой ила... В общем, – печально посмотрел на нас Коноплев, – ящик выскользнул из наших рук и сразу исчез под водой. Мы еще часа три потом искали его. Но безуспешно. Наверное, он очень глубоко зарылся в ил. Были вызваны водолазы, но они искали недолго: во-первых, ничего не видно, а во-вторых, в озере слой ила в несколько метров. Поди, отыщи тут небольшой ящик...

Бывший спасатель несуществующей ныне лодочной станции пенсионер Коноплев – когда мы попросили его об этом – охотно согласился показать нам место, где был выловлен, а затем ушел обратно на дно ящик с загадочным содержимым.

– То, что это было именно в этом месте, может подтвердить и Игнат Феклин, – заявил нам Владимир Сергеевич.

– Он жив? – спросили мы.

– А что ему сделается, – усмехнулся наш проводник. – Он сейчас проживает на улице Гагарина.

Так мы нашли Игната Феклина, еще одного свидетеля существования таинственного ящика.

– Верно, – ответил он нам, когда мы рассказали ему то, что рассказал нам Владимир Коноплев. – Там мы и зацепили этот ящик.

Интересно, совпадет ли оно с тем местом, которое указано на нашей редакционной карте?

А. Бодианский (наш спец. корр.)

Отчет второй

05. 06. 1988

ЗА ЧТО ЗАЦЕПИЛАСЬ «КОШКА»?

Итак, уважаемый читатель, экспедиция на озеро Дальний Кабан в Казани продолжает свою работу. Что же касается места на озере, показанном бывшим спасателем лодочной станции Владимиром Сергеевичем Коноплевым, где они с его товарищем Игнатом Феклиным едва не подняли со дна таинственный ящик (с золотом?), то оно в точности совпало с местом, указанным на нашей редакционной карте.

Дело в том, что еще зимой к нам в редакцию пришел пожилой сантехник одного из московских ЖЭУ Шаукат Минтимеров, уроженец города Казани. Он поведал нам, что увлекается кладоискательством вот уже лет тридцать и имеет способность отыскивать металл при помощи биолокационной рамки. В шестьдесят шестом году, еще проживая в Казани, он ходил со своей волшебной рамкой по льду озера и нашел место, где его рамка, по его словам, «очень сильно волновалась».

– То есть? – спросили мы.

– Она буквально вырывалась у меня из рук, – сказал нам *Шаукат Рифкатович*. – Вертелась, как бешеная.

В это время мы вели приготовления к экспедиции и заинтересовались заявлением молодого сантехника-энтузиаста. По нашей просьбе он, полагаясь только на собственную память, которая, к слову сказать, оказалась отменной, начертил карту озера и пометил крестиком место, на которое среагировала его биолокационная рамка.

– Это недалеко от бывшего Горбатого моста, – пояснил он нам.

И вот мы на дюралевом «Прогрессе» вышли на озеро. Остановились там, где проходил над Дальним Кабаном Горбатый мост, – это место прекрасно помнил *Владимир Сергеевич Коноплев*, ставший полноправным членом экспедиции.

Несколько раз крючья нашей «кошки» цеплялись за что-то в глубине озера, но всякий раз срывались. Наконец, «кошка» вцепилась во что-то мертвой хваткой. Мы налегли на весла, и трос «кошки» буквально натянулся струной. Два аквалангиста экспедиции *Геннадий Маслов* и *Руслан Киреевский* с подводными фонарями и металлическими пиками-щупами опустились на дно озера, чтобы нащупать тот предмет, за который зацепился крюк «кошки».

Не было их с четверть часа. Потом пошли пузыри, и одна из веревок, к которым были привязаны пики, задержалась. Это значило, что кто-то из аквалангистов дошел до ила и начал работу. Потом задержалась и вторая веревка. А затем вынырнул *Руслан Киреевский*, красный, как рак.

– Ну что? – спросили мы его.

– Ил, – коротко ответил он. – Глубина небольшая, но слишком высокая и густая перина ила. К тому же донные родники...

– А что родники? – спросили мы.

– Уж больно холодные, – ответил нам *Руслан* и снова погрузился в озеро.

Потом вынырнул *Маслов*.

– Ни черта не видно, – сказал он, отдуваясь и снимая маску. – Ил очень высок. Щупом не достать. И еще эти подводные фонари, – он в сердцах бросил свой фонарь в лодку.

– А что фонари? – спросили мы.

– Да полное г..., – не сразу ответил нам *Геннадий*. – Ладно, попробую еще разок.

Он надел маску и снова плюхнулся в озеро. Они с *Русланом* снова стали зондировать ил пиками.

Безрезультатно.

Но мы, признаться, были готовы и к такому результату.

Когда *Киреевский* и *Маслов*, расстроенные, выбрались из озера, мы попытались вытянуть за трос «кошку». Гребли изо всех сил, тянули трос руками, но груз на дне не сдвинулся с места. Наши усилия завершились тем, что мы оборвали трос, и наша «кошка» осталась на дне, вонзив свои зубья в предмет, который мы так жаждали увидеть.

Ничего, завтра мы продолжим поиски.

А. Бодианский (наш спец. корр.)

Отчет третий

07. 06. 1988

ВМЕСТО КЛАДА – ПРОБЛЕМЫ

Вчера мы поняли, что наша экспедиция была лишь пробным шаром в поисках части золотого запаса царской России, покоящейся на дне озера Дальний Кабан в Казани. И что в подобных работах, затеянных нами, должны участвовать профессионалы.

Конечно, *Руслан Киреевский* и *Геннадий Маслов* сделали все, что могли. Они не боялись становиться на ил и лазали по нему со щупами в условиях минимальной видимости.

– Руку свою и то не видно, – пожаловался нам Маслов. – А слой ила метра три, если не больше. Под ним глина очень вязкая, того и гляди засосет.

Помимо черной мглы, в которой работали аквалангисты, со дна озера еще били холодные ключи, и тогда у Маслова и Киреевского, как говорится, зуб на зуб не попадал.

Интересную подробность сообщил нам Руслан Киреевский. Вынырнув в очередной раз, он, к нашему общему удивлению, бросил в лодку саперную лопатку.

– До нас уже кто-то искал клад, – сказал он нам убежденно. – На дне я видел ямы явно искусственного происхождения. Копал кто-то.

– Может, это ямы от земснаряда? – спросил кто-то из нас.

– Нет. Ямы от земснаряда имеют диаметр больше, – ответил Руслан. – Да и саперная лопатка вот... Трудно предположить, что она в озеро случайно попала.

Это еще раз подтвердило, что мы на правильном пути.

Однако больше наши водолазы ничего не нашли. Разве оторванный от буя якорь. А еще мы видели множество полумертвых рыб и мазутные пятна, плавающие по озеру. Мазутом пропах ил и наши руки. И мы поняли, до какой степени запущено в экологическом отношении это озеро.

О своих наблюдениях мы доложили завкафедрой охраны природы Казанского университета профессору Лошкареву.

– Да, вы правы, – ответил нам профессор. – Озеро, действительно, запущено в экологическом отношении. Оно цветет и пахнет. К сожалению, сероводородом. Но мы не дремлем. В 1981 году мы создали комиссию, которая занялась подготовкой программы, направленной на оздоровление системы озер Кабан. Нас поддержал Совет Министров Татарской АССР, и мы даже создали математическую модель и отработали АСУ по качеству воды в озере Кабан. Изготовили уникальный земснаряд и систему перекачки донных отложений. Но, – здесь профессор нахмурил брови, – весь подготовленный нами проект стоит около семидесяти миллионов рублей. Эта сумма для города, да и для республики, пока неподъемная.

Начальник управления инженерной защиты города Илья Гумарович Ваксенов в разговоре с нами сказал:

– Несколько лет назад нашим Совмином было принято постановление по оздоровлению озерной системы Кабан. Порою действовать приходилось довольно строго. Я бы даже сказал, жестко. С руководителей предприятий, привыкших безнаказанно сбрасывать свои отходы в озеро Кабан, спрашивали по самому большому счету. И нам, надо сказать, удалось значительно оздоровить экологическую ситуацию, сложившуюся на нашем озере. Мы постоянно перекачиваем в озера Нижний, Средний и Дальний Кабан тысячи и тысячи кубометров воды. Десятки тысяч, я бы сказал. Год назад мы выпустили в эти озера триста тысяч мальков карпа. В этом году мы выпустили пятьсот. Одним словом, мы довольно круто взяли за нашу родную экологию. Я бы сказал, основательно. И на сегодняшний день имеются уже первые хорошие результаты: вода стала чище, и на озере опять можно увидеть рыбаков. Самое тяжелое уже позади. Но хочу вас заверить, – сделался очень серьезным Илья Гумарович, – мы не собираемся останавливаться на достигнутом. Забота о здоровой экологической обстановке должна и будет у нас неизменной и постоянной!

Однако вернемся к экспедиции. Сегодня она закончилась, и мы уезжаем домой. С тем, чтобы вернуться. Вернуться с профессиональными водолазами, компрессорами, помпами, бурами, лебедками с крепкими тросами и фонарями, которые все же будут светить под водой. Будем искать это золото. И не сомневайтесь – найдем.

А. Бодианский

(наш спец. корр.)

Далее красным карандашом была сделана приписка рукой Игоря.

Вскоре произошел развал Советского Союза и стало не до озера Дальний Кабан в далекой провинциальной Казани.

И слава богу...

ГЛАВА 5

ИЮЛЬ 1949 ГОДА

Когда лодка с рыбаком и белобрысым спасателем причалила к берегу, немолодой человек в шляпе и коричневых полуботинках с дырочками, что сверлил до того взглядом спину Степана, спустился с моста и пошел в сторону сельца Бутырки, уже довольно давно входившего в городскую черту.

От прежних времен здесь осталось здание церквушки, из которого районное начальство сотворило бакалейный магазин, заведующим которым и был человек в шляпе и светло-серых штиблетах с дырочками.

Вечер уже полностью вступил в свои права: солнце закатилось за лесопосадки, закат отгорел последними красными всполохами, и зачвыркали в своих потаенных местах местные назойливые сверчки.

Человек, который по документам значился, как Филипчук Василий Степанович, пятидесяти четырех лет от роду, украинец, прошел Бутырской улицей в самый ее конец, откинул с тыльной стороны калиточки крашенного в зеленый цвет палисадника железный крючок и вошел во двор небольшого одноэтажного домика с цветастыми занавесками на окнах. Пройдя по-хозяйски часть двора перед домом, Василий Степанович открыл ключом входную дверь и вошел в сени. Неторопливо разувшись, сунул ноги в мягкие тапки без задника и прошел в комнату, пол которой был устлан ковровой дорожкой; после чего снял шляпу, аккуратно повесил пиджак на вешалку и в глубокой задумчивости плюхнулся на диван.

По всему было видно, что он пришел к себе домой. И действительно: с тех пор, как Нюта умерла от «испанки», которую она подхватила во время страшной голодухи двадцать первого года, эта усадьба с домом и яблоневым садом принадлежала ему. Да он и сам едва не окочурился во время того ужасного голода, который выкосил треть населения Казани и едва ли не половину всей бывшей губернии. К тому времени он уже был Василием Степановичем Филипчуком, законным мужем Анны Анастасьевны Филипчук, принявшим, когда они расписывались, фамилию жены.

За три года до этого, в восемнадцатом, когда Нюта притащила его, истекающего кровью, к себе в дом, его звали иначе. В воровском мире двадцатитрехлетний немногословный парень, с которым ссориться даже по мелочам было себе дороже, носил уважительное погоняло – Яким, которое, впрочем, было и настоящим его именем. Больше о нем никто ничего не знал. Кроме Мамаея, разумеется. Но этот крупнейший воровской авторитет, помогалник самого медвежатника всея Руси Савелия Родионова, был давно мертв; архивы московской уголовки сгорели еще в феврале семнадцатого, так что на всем белом свете не кто не мог знать, что Василий Филипчук, заведующий бакалейным магазином вот уже двенадцать лет, есть никто иной, как бывший боевик Мамаея Яким.

Лучший его боевик...

* * *

Яким был из безродных, обыкновенный подкидыш.

Точнее, мать у него была проститутка с Хитровки, а вот отцом мог быть кто угодно, начиная хоть с тринадцатилетнего карманника Севки (приступившего блудить по мамзелькам с двенадцати лет) и заканчивая старым облезлым князем Волок-Бобруйским, любившим таскаться по всякого рода притонам и отдававшим предпочтение именно грязным шлюхам, с

которыми он, садист и извращенец (в полном смысле этого слова), мог вытворять все, что ему заблагорассудится.

Родив мальчика, мать завернула его в тряпье и, положив на дно корзинки, устланной гниющей соломой, снесла в одну из сентябрьских ночей орущую ношу под дверь безымянного детского приюта близ Хитрова рынка, да и оставила на ступенях крыльца, стукнув на прощание чугунной скобой в дверь. Ретировавшись, она сожалела лишь об одном: что не успела опохмелиться. Однако кара господня не замедлила наступить. Не далее, как через неделю, проститутку зарезал по пьянке один залетный в хитровские трущобы жиган, не поделивший с ней поллитровку водки.

На судебном следствии в Окружном суде города Москвы он оправдывался тем, что зарезанная им проститутка мало того, что спросила за удовольствие на семь копеек больше сверх обычных трех гривен, так еще и выпила на целых два стопаря померанцевой больше, чем он.

После на теле проститутки судебные медики насчитали двадцать шесть колото-резаных ранений, три из которых были смертельными. Ухарь-жиган отправился на бессрочную каторгу, а проститутку схоронили за счет средств городской Думы, поставив на ее могиле наспех сколоченный березовый крест, который она не заслуживала даже после такой ужасной кончины.

Что касается подброшенного ею мальчишки, то он провалился в корзине до утра, так как ночного стука скобы никто не расслышал. А утром подошедший молочник заметил посиневшего от холода подкидыша.

Мальчику тотчас определили мамку-няньку и, накормив, нарекли в честь святого Иоакима богоотца – Якимом, чей день в месяцеслове приходился как раз на 9 сентября, записав оное событие в метрическую книгу.

А далее все шло по установленному жизнью и стезей порядку: детство, отрочество, юность.

Жизнь в приюте была сходна с казарменной: в одно время для всех подъем, потом приведение себя в порядок, завтрак, классы, молитва, обед, снова занятия, прогулка в приютском саду, ужин, немного личного времени, а там и отбой. Распорядок, дисциплина и одинаковое для всех серенькое платье накладывали отпечаток на характеры воспитанников приюта: большинство из них делалось на всю жизнь послушными и больше всего желающими, чтобы сегоднешний день был похож на вчерашний, а завтрашний на сегодняшний, и только единицы жаждали поскорее вырваться из этого серого мира и считали дни, когда это случится.

Яким был из этих немногих.

По выпуску из приюта выбор был не широк: либо идти в фабричные и далее всю жизнь проживать в рабочих казармах, проводя воскресные и праздничные дни в кабаках и «веселых домах», либо, отказывая во всем себе, копить на собственный домик и, купив его на закате жизни, загнуться в скором времени на лавочке в собственном яблоневом садике, так и не сумев ответить на вопрос «зачем я жил». Яким поначалу выбрал путь первый: поступил на мыловаренную фабрику в Покровской части недалеко от Екатерининской богадельни, по выходным пил с такими же, как он, фабричными парнями водку, после чего отправлялся к девкам в один развеселый дом в трех кварталах от фабрики.

Из-за собственной беспечности дважды переболел триппером, несколько раз участвовал в драках за девок, к которым в воскресные дни выстраивалась очередь, весьма похожая на очередь в кассу за получением жалованья, а однажды ему даже проломили в крепкой потасовке башку, и он был вынужден проваляться четыре дня в Екатерининской больнице, куда ему залечивали раны и зашивали кожу.

Однажды он сильно повздорил с мастером, неправильно, на его взгляд, закрывшим ему рабочий наряд. Мастер, недолго думая, послал Якима по матушке, после чего тот вмазал ему так, что мастер отлетел в угол и затих, закатив глаза. Рука у Якима была тяжелая, как потом оказалось, он что-то ему повредил, и мастер напрочь оглох. Дело грозило кончиться остро-

гом, и Яким, не желая испытывать судьбу, больше на фабрике не появился. А куда податься бывшему фабричному без копия в кармане? Разумеется, что на Сухаревку или Хитровку! Там таких, как он, в ночлежных домах – пруд пруди.

Парень Яким был здоровый, к водке охоч не шибко и скоро в номер, где он проживал с такими же, как он, мужиками, пробавляющимися случайными заработками, заявился в один из тоскливых вечеров одна тысяча девятьсот четырнадцатого года парень, которого звали Серый. Был он всего-то на года два постарше Якима, но уже имел немалый вес в воровском мире и работал с самим Мамаем, которого на Хитровке и Сухаревке знали все – от держателей ночлежек и заканчивая самым последним шелудивым псом. Серый, коротко зыркнув на притихших мужиков, приказал им свалить на время из номера, дабы не мешали приватному разговору с Якимом.

– Ну, чо? – начал беседу Серый, глядя в упор на Якима. – Как проистекает жисть?

– Хреново проистекает, – ответил Яким, насторожившись.

– А чо дальше кумекаешь делать? – поинтересовался Серый. – Мысли какие-нибудь есть?

– Нет покудова, – просто сказал Яким.

– Зато у меня имеются, – буркнул Серый и, понизив голос, произнес: – Слушай сюда...

Толковали они недолго, с четверть часа. О чем, никто, кроме них двоих, не знал. Когда разговор закончился, Яким ушел из ночлежки вместе с Серым...

Яким, то бишь Василий Степанович Филипчук, встал с дивана, прошел на кухню, отодвинул ногой коврик и, наклонившись, потянул за медное колечко, лежащее в углублении пола. Скрипнув петлями, дверца погреба открылась, пахнув сырой прохладой, и показалась деревянная лестница, ведущая в темноту. Филипчук начал спускаться вниз, затем, коснувшись ногой пола, нащупал где-то сбоку выключатель. Под потолком загорелась лампочка, осветив небольшую камору с деревянным коробом, наполненным картошкой. По стенам стояли на полках в несколько рядов банки с маринованными огурцами и помидорами, в углу – небольшой бочонок с квашеной капустой и рядом – коробки с видневшимися из них горлышками бутылок. Меж коробками стояло несколько бутылок «Московской» с запечатанными сургучом пробками.

Филипчук, то бишь Яким, сунул одну бутылку в карман, зачерпнул из бочки ковш квашеной капусты и, схватив первую попавшуюся банку с огурцами, поднялся на две ступеньки и выставил все это на пол кухни. Потом, опустившись снова, прошел в дальний угол каморы и, привстав на корточки, выдвинул из цельной, на первый взгляд, стены потаенный ящичек. Достав из него что-то, завернутое в тряпицу, выпрямился, погасил в погребе свет и выбрался наружу. Закрыв дверцу, утопил медное кольцо в нишу пола и определил коврик на прежнее место. Затем, поставив ковш с капустой на стол, он достал из посудного шкафчика чайный стакан, нарезал хлеб, открыл банку с огурцами, вывалил их в миску и сорвал с водки пробку. Сверток он положил на стол сбоку от себя и время от времени поглядывал на него, словно решая, как с ним быть. Сел, налил в стакан водки на две трети, перекрестился и выпил его до дна. Крякнув, захватил пальцами шматок квашеной капусты и отправил в рот. Потом откусил хлеб, взял из миски огурец и принялся жевать, не сводя взгляда со свертка...

Серый привел его к Мамаю сразу, как только они покинули ночлежку. Яким кое-что слышал об этом человеке. По Хитровке о Мамае ходили настоящие легенды, и сказывали, что был он правой рукой самого Севы Родионова, неуловимого и везучего медвежатника и приемного сына самого первейшего хитровского туза Парамона Мироновича. Все, что он слышал о Мамае, начиналось словами:

«Мамай был таким же сиротой, как и мы с тобой...»

Настоящего имени его никто не знал. Это уж позже, когда Мамай возьмет его в свою команду, Яким узнает его имя: Бадретдин Шакиров. Он был и правда сирота, и воспитывался в

приюте для бездомных инородцев. Потом, когда ему исполнилось четырнадцать лет, его оставили при приюте помощником повара: носил для кухни воду, выносил объедки и мусор и получал за это от повара тарелку лапши и горсть оплеух и подзатыльников. У повара состоял в приятелях замоскворецкий имам Зинатулла, который нуждался в прислужниках-соплеменниках. Он выпросил Бадретдина из приюта, и тот какое-то время жил у имама, как у Аллаха за пазухой, кушал вместе с имамом сладкий щербет и пил медовый айран, раздевая имама и щекоча ему пятки на ночь гусиным перышком.

Однако оказалось, что имаму молодой татарчонок был нужен не только в качестве лакея-прислужника. Однажды имам приказал Бадретдину сделать ему на ночь нечто более приятное, чем щекотание пяток, и бессловесный до того прислужник послал имама по-русски столь далеко, что тотчас сам пробкой вылетел из ковровых покоев служителя Всевышнего на улицу.

Улица, как известно, суровая школа жизни, и однажды его со сведенным от голода животом приветили фартовые, промышляющие гоп-стопом и квартирными кражами. Карьеру он начинал с того, что стоял на шухере, и не раз его гортанный «Атас!» выручал фартовых от ареста, а то и от полицейской пули. После удачного дела его грузили ворованным барахлом и отправляли к барыге на Хитров рынок. Самим фартовым ходить к барыге и торговаться из-за цены было западло.

Они научили его стоять за себя, примечать слежку и уходить от нее, правильно балакать с лягавыми, ничего не бояться и владеть финским ножом, с коих пор это оружие он всегда носил при себе и предпочитал любому другому.

В шестнадцать лет ему поручили первое самостоятельное дело: подломить галантерейную лавку на Солянке, – парню пора было вырастать из коротких штанишек стремного, а, кроме того, надлежало проверить его на настоящем деле. Не запалится ли? Солянка являлась купеческой улицей с почти сплошь двухэтажными домами, первые этажи которых были заняты под лаки и магазины, а на вторых проживали хозяева со своими семьями. Словом, дело было опасным, но фартовые решили просто, как собачники, которые учат щенят плавать: выплывет – ну, и слава богу, а коль не выплывет, стало быть, такова судьба. Лавку с галантереей фартовые пасли уже давно и знали, где у купца-хозяина схрон с кассой.

Бадретдин кассу взял.

Однако разбудил хозяина лавки и в завязавшейся драке случайно его убил. Когда фартовые вошли в лавку, там был такой разгром, словно «Мамай прошел». С тех пор и прилепилось к Бадретдину погоняло Мамай, заставившее и его самого забыть настоящее имя.

О том, что татарчонок сумел завалить здоровенного купчину и прийти с товаром, прознал через своих «валетов» хитровский «туз» Парамон Миронович. И пожелал самолично глянуть на вновь испеченного фартового.

Глянул. Оценил. И принял в личное услужение.

Это была несказанная милость. Минуя всяческие промежуточные чины воровской иерархии, стать адъютантом и особым порученцем самого короля Хитровки дорогого стоило.

Что это были за поручения, знали немногие, и те предпочитали помалкивать. Потому как особые поручения Парамона Мироновича, любой степени сложности и опасности, которые с точностью швейцарского хронометра исполнял Мамай, были не чем иным, как физическим устранением неугодных хитровскому властителю людей.

Мамай мог недрогнувшей рукой всадить свой неизменный финский нож точно в сердце указанному Парамоном Мироновичем фигуранту. Без всяческого сомнения и душевных терзаний мог приложить обухом топора по темечку того, на кого показал указующий перст воровского туза, или вырвать кадык зубами у не угодного Парамону человека, что однажды и случилось, когда один из претендентов в хитровские тузы оказал Мамаю отчаянное сопротивление.

По иному, Мамай был цепной пес, преданный своему хозяину не меньше, чем Малюта Скуратов самодержцу Ивану Грозному.

До последнего вздоха. До последней секунды.

Когда в доме Парамона появился Савушка Родионов, Мамай стал мальчику наставником и дядькой. Таков был приказ хозяина. Позже, по мере подрастания Савелия, Мамай все чаще стал оказываться у него в услужении, исполняя роль телохранителя и правой руки, на которого можно было бы без сомнения положиться. А после гибели хитровского туза, пришитого заезжими елдашами, Мамай полностью перешел в распоряжение Родионова. Не единожды вместе с ним Родионов подламывал торговые биржи, вскрывал сейфы кажущихся неприступными на первый взгляд банков, а в девятьсот девятом они взяли из хранилища отделения Государственного банка в Казани алмазную корону императрицы Великой, что было самым громким делом того года во всей Российской империи.

Вот к какому человеку привел Якима Серый. И вот какого авторитета воочию увидел Яким.

Собственно, в облике Мамай не было ничего ужасающего. Голый череп с тубетейкой на темени, плоское татарское лицо в оспинах и сеткой морщин возле глаз, мясистый нос и тонкие бесцветные губы. Многие дворники-татары, коих на Москве обреталось весьма значительное количество, были намного страшнее. Особенно дворник их приюта Мухамметдин, которого лишь стоило назвать Мухой, как он мгновенно выходил из себя и начинал гоняться за ребятней, дико вращая глазами и ругаясь на чем свет стоит.

Мамай, когда Серый представил ему Якима, коротко и остро глянул на него и бросил:

– Обущить. Научить дыраца и сытырелять. Пыраверить вы деле...

Обучать драться Якима не было необходимости. Приют обучил его этому с пеленок.

Обучать стрелять тоже долго не пришлось. Глаз у Якима был зоркий, парень он был смекалистый, и в скором времени он владел подаренным Сергеем «наганом» как заправский стрелок.

Ну а проверить в деле... Скоро представилась и такая возможность.

Потом было еще дело. И еще...

А вскоре они с Серым попали в засаду. Брали на гоп-стоп одного заезжего «купца», про которого фраера им накололи, что тот поедет обратно к себе в Питер с большой мошной. Оказалось – полицейская подстава. Его с Серым повязали на деле с поличным.

Центральная московская тюрьма приняла непутевых сыновей равнодушно, на своем долгом веку она повидало и не такое.

Централка – и ночи, полные огня,
централка – зачем сгубила ты меня?

Следствие по их делу заканчивалось, ведь у следяков с доказательствами был полный ажур. Прокурорские потирали руки – взять двух весовых фартовых на гоп-стопе и пришить обоим разбой было делом не частым. На горизонте уже маячила сессия Окружного суда и хороший срок лет в восемь-десять лет каторжных работ.

Централка – я твой бессменный арестант,
погибли юность и талант...

А потом грянула февральская революция. Пришла свобода, свергнувшая страну в хаос, и как следствие того, была объявлена амнистия. Поначалу власти выпускали заключенных осторожно, лишь мошенников с карманниками, а потом из острога стала выплывать рыба и покрупнее – жиганы с уркаганами. Своего часа терпеливо дожидались Серый с Якимом, зная, что за той стороной забора Мамай не бездействует.

В начале марта выпустили политических.

А потом в Московской уюловке случился пожар. Сгорели дела многих московских уркачей, в том числе и Якима с Серым. Мамай, воспользовавшись случаем, нанял ушлых присяжных поверенных и добился пересмотра дела Серого и Якима. И в августе семнадцатого друзья сделали Московскому централу ручкой.

Мамай приказал покуда затихариться. А то, что сказал Мамай – закон!

Промышляли по малому, баловство одно: чистили квартиры съехавших за границу буржуев, ходили с Мамаем на толковища, выполняли разные его поручения, трясли должников...

А потом Мамай получил маляву из Казани. То бишь, телеграмму. В ней было написано:

Мама доехал благополучно обстоятельства вынуждают пробыть здесь еще три-четыре дня Александр.

Телеграмма была от самого Савелия Родионова, а это означило, что их ожидало новое дело.

Яким еще налил полстакана водки, выпил с аппетитом и захрустел огурцом, продолжая поглядывать на сверток.

Да, участие в деле, которое им с Серым предложил Мамай, могло принести в случае форта славу и несомненный авторитет в воровском мире. Шутка ли: вскрыть Государственный банк, в котором скопилось золото бывшей империи. Им с Серым отводилась роль боевиков, а Мамай занялся привлечением специалистов. И он нашел их, лучших, с которыми, по его словам, можно было проверить «итэ ниболшое дилцэ».

Первым был прибившийся к фартовым года два назад бывший адъюнкт-профессор химического факультета Московского университета Ленчик, разбитной веселый парень, которому отводилась, судя по всему, какая-то очень важная роль.

Вторым был специалист по электричеству и оператор плавильного аппарата Гриша, худющий мужик лет сорока с козлиной татарской бородой и в старорежимном пенсне. Помнится, он тогда смолил дешевые папиросы «Друг», буквально одну за другой. Ему тоже, наряду с Ленчиком и самим Савелием Николаевичем Родионовым, отводилась важная роль в задуманном деле. А они с Серым должны были, при надобности, прикрывать обоих спецов, Мамаю и патрона, дать им возможность спокойно выполнить «работу».

Ехали они в Казань по железке. Мамай был всю дорогу мрачен, говорил мало и без конца пялился в окно. Где было тогда понять Якиму, что глодали воровского авторитета предчувствия, и как позже оказалось, совсем не случайно...

Яким еще плеснул горькой в стакан, выпил одним глотком, зацепил пятерней капустки.

Нет на этой земле могилы Мамаю. Разметало его тело ошметками после взрыва поезда так, что даже если кто-нибудь и задался бы целью собрать Мамаю воедино, то не досчитался бы многих его частей. А тогда, летом восемнадцатого, они ехали в поезде и тоже почти безотрывно смотрели в окно. Дело, которое им предстояло «сработать», было из ряда вон, как определил его неунывающий Ленчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.